

Анатолий Сендер

НА ЗАКАТЕ ЗОЛОТОМ...

Стихи

Избранное

Минск
Издатель А.Н. Варакин
2010

ББК 821.161.1(476)-1
УДК 84(4Бел=Рус)-5
С31

Автор благодарит Ксендза Владислава, настоятеля
прихода св. Симона и св. Елены за участие в издании книги.

Сендер, А. Н.

С31 На закате золотом : стихи / Анатолий Сендер. —
Минск : А. Н. Вараксин, 2010. — 424 с.

ISBN 978-985-6929-58-1.

Анатолий Сендер — настолько яркое и неповторимое порождение именно «серебряного века», что вписаться в литературу «критического реализма» ему удается с большим трудом.

Настоящую книгу составляет наиболее полный обзор его стихотворной эпохи. Перед вами пестрый вихрь гармонии звуков и ощущений, красок и фантазий в том вожделенном образе, в каком он предстает перед человеком на вершине мастерства — на закате золотом...

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бел=Рус)-5

ISBN 978-985-6929-58-1

© Сендер А.Н., 2010

© Оформление.

Издатель А. Н. Вараксин, 2010

*Моей маме,
Сендер Вере Никитичне,
урожденной Новиковой – Посвящается*

И ВООБЩЕ

Подобно Андрею Белому, он мог бы читать блестящие лекции по теории стиха в Доме искусств, вычеркивая в воздухе таинственные знаки, навеянные загадочностью музыки виршеплетения.

А вы слушали бы, следуя диковинному порыву сего некоронованного короля рифмы. Вы непременно удивились бы, мысленно шествуя кривизной подъема и падения гласно-согласной словесности, легко переваривая даже сверхсложную строку его сочинений.

И новый ракурс: этот преданнейший адепт стихосложения, верноподданейший служка языка богов, чтя поэты земные и небесные, пиита (так правильно) более запредельный, нежели реалистичный, еще и теоретик духовного пути развития.

Он с образами души (о красоте мира), чудесностями духа (чувство любви) на подмостках под куполом храма священнодействует над мертвеей душой совершенно больного тела. И совершается чудо: мертвые воскресают, немые обретают дар речи. Он же, подобно Христу, погляди, идет «по водам» словесности.

Сквозь неистовый гвалт благополучных критиков, сквозь визг летящих критических «бесенят», его томик поэзии «Разволнованные крылья» складывается в классический облик. Сборник сочинений отныне завершает свой бранный путь и справедливо занимает заманчивую – пустующую нишу на исторической книжной полке между Б. Пастернаком и О. Мандельштамом. И бог ему судья на все времена – этому музицирующему пиетету, куда, кажется, вселился дух Моцарта.

То, что творит А. Сендер, так же необычно, как его жизнь. Поэтому, уже не говоря о его многочисленных сборниках в стиле «фавизма», даже его роман исповедей остается чтением преимущественно интеллектуальной элиты.

А. Сендер писатель для писателей с хорошим вкусом, лишенных каких бы то ни было амбиций.

Однако же, его синтаксис уже претерпел экспериментальный период поисков новых форм и стал вполне обычен, доступен, легко читаем.

И еще парадокс: типичный русский писатель, прямой потомок Гоголя и Толстого, оказался в литературе проводником чисто французских явлений. Следовательно, контуры его портрета отрывисты и нервны, и продиктованы они стилем самой личности. Кстати, несостоявшейся звезды советского футбола. Вот отчего после встречи с ним остается впечатление стремительности, взволнованности и полета.

И след любви...

Как и отчаянные вздохи,
Как и случайные черты,
Молчанье громкое эпохи
Словесно скупое очерти.
Ее очей очарованье,
Ее осеннюю листву
И след любви, и дарованье,
И ничего по существу...

Слова души уже безмолвны,
Осенний слог еще горяч,
А листопады ярче молний,
Во мгле, безумствуя, горят.
А листья кружатся нелепо
И так искрятся на вещах,
Что сердцу, рвущемуся в небо,
Пора об истине вещать:
О скуке старости убогой,
О жуткой сырости земли,
О грешной жизни возле Бога,
О близкой осени вдали...

Счастье невидимо смотрится в щели,
Часто тревожа глаза и лицо.
Счастье прячется, идя еле-еле,
Прямо у хаты, где сбито крыльцо.
Светлое счастье черно и шумливо,
Где моя мама, наперстница дня.
Где на малину срывается слива,
Шагом отца будоража меня.
Где у малинника, хаты правее,
Мамина выпечка пахнет хмельно.
Где возле кладбища, плотью кривея,
Плещется старость еще в домино.

Мне каяться в духе упадка,
Мне кротко забвенью нести
И мучиться, что же за хатка
Творится у имени «стих»?
И что ж она, думы тревожа,
Слагается, чисто тоска.
И что источается, боже,
На светлое тленье виска.
И каются думы, что плохи,
И кажется памяти дух,
В крушенью семейной эпохи,
Где жить-то уже недосуг...

Лебеду вокруг имения
На рассвете рвешь ли ты?
Варишь ли супы семейно,
На окраине плиты?
Злишься ли, спеша на выпас,
Лебеду в руке морща,
На рассвете чтобы выпасть,
В гущу травного борща?
И кружиться кружевами,
Закипая в лебеде...
За родню переживая,
По голодной-то беде...

То вечная к прошлому страсть,
То сердце стремится припасть,
К земле у родимой калитки...
То, верно, садовый осот
В дымы твою душу несет,
Во мглу поднебесной молитвы.
А мгла – откровенье очам –
То мамы мольба по ночам,
То папиной доли невзгоды...
То бьется осот у земли,
То время родиться вдали,
На долгие-долгие годы...

Тебе, мамочка, доколе,
Да по старости хромать?
Тебе, мама, тьма околиц
Да полыни бахрома.
И у полночи сонливой –
Сна безоблачного гром.
И жары противный ливень,
И прохладной смерти дом.
И – смотри на обороте –
Дни прошедшие пусты...
И молчи о смерти, вроде,
И живи до хрипоты...

У родни зарю влачу
И прошу благословенья:
И болезному плечу,
И семье обыкновенно.
И отчизне, наконец,
Я молю любви, не славы.
А у мамы – у крылец –
Встреча сына и державы.
А у папы-то правей,
Чисто черви дождевые,
Тени вьются по траве,
За тропинки путевые.
А за прошлое, учти,
Откровенно между нами,
Полсудьбы влачу почти,
Непочтительные снами...

Мама утром умирала,
Остывала поутру...
Мама взмыла за мирами,
Полыхая на ветру.
Пламя что-то уносило,
Пламенели зеленыя...
Истекла у мамы сила,
В слабосильного меня.
И стихало чисто поле,
В стужу раннюю жары,
В муку внутреннюю боли –
На сиротство до поры...

Не кричи тишина болевая,
Не шепчи, упавая в дожде,
Утомленно жару поливая,
Задушевно шумя о вражде.
Не зови удивительно эхом,
Мне мужчине, крича, не грехи –
Это время влюбленному ехать,
В огневое начало души.
Это чудо и плоти, и стати –
Это гнев у травы полевой.
Это страсти явление кстати,
В равнодушие вражды болевой.
Это мне на чужбине приволье
Отзывается, счастье суля.
Это мне исцеление болью
И любовью, степная земля...

Еду тихо, еду мудро,
Еду, мамочка моя...
И туда же рвется утро,
И туман, и колея.
Еду так, еду не тронув,
К дому – в сторону родни.
В стороне одни вороны –
В сердце вороны одни.
Это дело не простое –
В небе смертная жара.
Это мне полжизни стоит –
Эта горечи пора.
Это горе у дороги –
Этой думы горе-нить...
Еду сын я одинокий –
Еду маму хоронить...

На бегство, на бремя известное,
На яркую звездную тьму,
Ломается родина местная,
А больно тебе самому.
Что воля безвольна прощальная,
Что гордою кажется ложь.
Что счастье твое изначальное
В прощение вряд ли совершь.
В останки сорвешься телесные,
Невинным окажешься там,
Шепча слова интересные,
А я-то тебя не предам...

Яма копается, ямочка,
Мама в гробу, моя мамочка.
Маме земляца пуховая,
Маме хвала поселковая.
Маме небесное царствие,
Домик сестрице по дарственной.
Мамина тьма черноземная,
Яма семейная темная...

Не ты ли, поющая бездна,
Таишься у края ветров?
Не ты ли, душевная песня,
Волнуешь усталую кровь?
Не ты ли свечение свету,
Не ты ль умиление уму,
Подобно высокому ветру,
У бездны поешь и ему?
Не ты ли, бессонная песня,
Теряешься в горечи пияжм
И сладко у славы небесной,
Во славу Отечества спишь...

Каково, земля просела,
Утром ожила земля...
Каково тебе несмелой
Влиться в тленные поля?
Каково же очутиться
Да у сырости-то злой,
Да в молчанье тихой чтицей,
Да у бренности земной?
Каково же маме милой,
Каково тебе, душа,
Каково сырой могилой
Задыхаться, не дыша?

По судьбе живи открыто,
На краю судьбы худом:
У разбитого корыта,
У богатства, но потом.
А вверху кружится жребий,
Злато сыпется в суму:
А внизу, известно, гребни,
Бога азбука уму...
А по жизни в горе вещем –
Притчи ясные азы,
А по смерти не трепещут,
То, что выпало, вози.
То, что ноги заплетает,
Что плетется за пятой:
Тайно в счастье улетаю,
Горя горькою бедой...

За печью да за копотью,
Ухватами бренча,
Шептала мама шепоты,
Шумела у плеча.
Избу мела не светлую,
Секла ножами злость,
Добро добру советуя,
Да время унеслось.
За скуку безначальную,
За радость изнутри...
За трижды беспечальную,
За маму-то, смотри.
За копотною печкою,
В тиши клони главу,
За мамочку не вечную,
За тьму и синеву...

Жизни легкой-то не жди,
Не то лиха не избудешь.
Помраченье, лихо, люди,
Просветление, гляди.
Счастье, больно, горячо,
Дальше-то видна могила.
Царство божье, что еще,
В небе мамочки-то милой.
Что же в образе ее,
В молчаливости страданий:
Горе, божье бытие –
В долгой жизни стародавней...

Споткнешься, ступая на стебли,
Заблудишься в травы долин,
Слегка удивишься, ослеп ли,
Ни краски не видя вдали.
Запнешься, в обочины глядя,
Бредя у начала времен.
Пройдешься, непрошенный дядя,
Вздыхая, что глупо умен.
Достанешь устало котомку,
Пороешься в сумке впотьмах.
Игрушка найдется потомку,
А маме, а мамочке – тьма.
А папе, а папочке – сырость,
А травам удушливый зной,
Где сердцу убого и сиро,
Где только душа надо мной...

Велела судьба окликаться,
Шумнула ветвями акаций,
Колючки у сердца вонзив,
На смерти чело намекнула,
Тоскою светлейшего гула,
Темня приближенье возни.
Хватая страданье за холку,
Вонзая тревожно иголки,
В открытое темя судеб,
Шепча и тебе в луговине,
Что время идти к пуповине,
За маму, ушедшую в степь...

Мертвые жизни обманы,
Скуки веселье вдали,
А доберешься – туманы –
Желтые степи земли.
А разгуляешься – логи,
А рассмеешься – тоска.
На бездорожье дороги,
Не обманись-то пока.
И поздорову ли в скуке,
За перекличкою птиц?
И по душе ль тебе муки,
Радости, гнущие ниц.
И подбери тебя гребень,
И за туманы снеси –
В думы густые о хлебе,
В душные духи низин.
В мутную наволочь эту –
В мертвые образы – прочь!
Смута степная поэту –
Дня непроглядная ночь...

Больше, мамочка, ни звука,
Тихо, милая, во мгле.
На земле неволи мука –
Воля вольная в земле.
На одно твое молчанье
Уповаю, опершись,
Встречу путая в прощанье,
Смерть укутывая в жизнь...

Возьми земли с могилы предка,
Сорви немножечко травы,
Вдохни полыни воздух едкий
И песни трезвые травы.
И пей тоску, умнея глупо,
Могилу темную светля.
И не смотри надгробье тупо,
И возлюби тебя земля.
И помоги тебе святые,
Причтя пришествие тебе.
Ты в размышления простые
Гадай устало о судьбе.
О пяди той земли в мешочке,
О том, что умысел умен.
И что тесьма на оторочке –
Отметка памяти времен...

Налетали, словно птицы,
Думы, к полночи гадая,
Зачинали мирно биться,
Пережитыми годами.
И терзали бы, но воды,
Смыли горе, что рыданье...
И какие наши годы,
И какое же страданье.
И года не сиротея,
Но черствея же, однако,
Годы, мамочка, радели,
Что ни горя-то, ни знака.
И ходила бы в избе ты,
Ни сестрицы, ни тревоги,
В смерти счастье не изведав,
У кладбищенской дороги...

Вот и больно в сердце строгом,
Вот и каешься, греша...
Счастье, собственно, дороги
Обретается, душа.
Счастье – осени награда,
Предосенняя, скорей...
К счастью, сердцу – бога ради,
В сострадании гореть.
По сердечному и, в общем,
Слабо тешиться в пути.
Счастью, собственно, на ощупь,
В осень и произрасти.
Сердцу биться, пуча вены,
Больно чувствуя в боку,
И предательства-измены,
И учителя тоску...

Хвала вагонному окну,
За ним и кисти обмакну
И нарисую очи дню,
Смотря на родину одну.
Котомке, нищенству служа,
Суме, юродская душа!
Ширь у проема хороша,
Макая кисти, вопрошай:
Зачем убогое крыльцо,
Хрипя, качается с ленцой?
Зачем хмелящее винцо
Отчизне плачется в лицо?
Чтобы хмелея в рабстве тьмы,
Всем опускаться до сумы?
Чтобы не братья за умы?
Зачем такой Отчизне мы?

Думы ранние безмерны,
Думы ночи не легки –
Думы жизни, думы смерти,
Думы радости тоски.
Об унылости рассвета,
О страдании по дню.
По осенней скуке веток,
Что ложатся на родню.
Что тоскливо сердце точат,
Что душа совсем одна,
Что раздумье страшно ночью,
Что прохладно тленье дня...

Осени грудью касаясь,
Зри за листвою судьбу:
Вот она, мама босая,
Вот она, мама, в гробу...
Вот они мамины клены,
Вот и забвение в них...
Льются у выемки склоны,
Нас, огибая самих.
Слева души не тревожа,
Справа могилы храня...
Вот она мамочка, боже –
Мамочки нет у меня...

Если плоть уже земля,
А в душе не бьется небо,
На заре воспряну я,
На закате выжгу небыль.
Если что, исчезну в лес,
А земля качнется, право,
Но пойму я – это лесть,
Непристойна эта слава.
И возьму среди вещей,
Если что, чертополохи.
И налью-ка в лапти щей,
До чего ж они неплохи!
Можно дни перемолоть,
Помня чье-то осмеянье,
А земля еще не плоть –
А в душе еще сиянье...

Свет и тьма, и счастье рядом,
Смерти зыбкие черты.
И душа, и мысли ладом –
Это в памяти черти.
А распахнутою дверцей –
Страха личное чело.
Польхайте страхи сердца,
Чтобы листьями несло.
Чтобы вы, легки и зримы,
Тихо падали, дрожа,
Чтобы вы душе – не имя
И нисколько ни душа...

На ските родовом,
На дне не рядовом,
На бденье годовом,
В заулочке кривом,
Мне хочется умом,
В напутственное слово.
В убранство у дубрав –
В течение добра,
В далекое вчера –
Клубнику перебрать,
В рассвете серебра,
В расцвете дня не злого.
Но мама нынче спит,
Ей тихо снится скит
И образы тоски,
И желтые листки –
Что к маме-то близки,
А мы гостим у дома.
И все мы на местах –
Клубника на кустах,
Сказание в устах:
Что я в тоске устал,
Что скита тьма пуста,
Что все душе знакомо...

С того ли мне весело в гневе,
Что горести грудь осыпают?
С того и безлистно на древе,
Что стража хмельна усыпальниц.
И предки нисколько не злобны,
Что вьются в краю нелюдимо.
И жизни конечность условна,
И вечность укутана дымом.
С того и поля черно-буры,
В полночи лунного света,
Что сны усыпальницы в бурю,
Живее дрожащего ветра.
С того и довольство судьбою,
С того я на почве песчаной,
Веселостью гнева слепую,
Приветствую предка прощально...

Ни весны, ни капли смеха –
Только голая трава,
Доли жизненные веки,
Долгой жизни дерева.
Только страсти оскудели,
Обнищали чувства вдруг.
Страшно холодно в постели
И во мгле навечно друг.
И ее ты не избежешь,
И ни смеха, ни весны,
Ни реальности, ни бездны,
Ни обычной новизны.
Только сны во сне кому-то –
Про высокий жизни свет.
Только радостная смута,
Оттого, что смерти нет...

Души заливчатость одна
И не понятна ее участь,
И камышовая текучесть,
И скука пыльного окна.
И странна ритмика ее,
И многократность ее эха.
За камышами воля смеха
И плача полное былье.
И осока среди бугров,
И неба стянутые зыби.
Возню мышинную и сыпи,
Ты в камыши-то и укрой.
Гони дымы во мглу души,
В закрытый прозеленью вечер,
Темня душевное увечье,
Светля докучно камыши...

Уходящая в страхи причина,
Возвращается смутно душе.
Осторожно берется кручина,
Забирается в сердце уже.
И рождает умело смятенье,
Истекая холмами долин,
В ковыли у тревожного бденья,
В невозвратное счастье вдали.
И крадется в покои украдкой,
Озирая вечернюю муть,
Не играя с тревогою в прятки,
Не тревожа причину и путь.
Истекая в кручину душевно,
Очищая сердечное зло,
Изойдя ковылями блаженно,
В непростое судьбы ремесло.

Что мне шумного народа –
Обесмысленная грусть?
Что за пыльная порода
Бьется, кажется, о грудь?
Жутко валится на стопы,
Былью пылкою пыля
И в пыли природы топит –
Что за странная земля?
Что за ветра однострунность –
Что за местная молва?
Что за пыль и ночи лунность,
И молчанье, и слова?
Что за дни ложатся косо,
Что за скучная стерня?
Что за родина с откоса
Мчится горестно в меня?

В осеннем, однако же, миге,
В печали повинности длясь,
О жизни пролистывай книги,
Читая чистейшую грязь.
Ищи в ней душевную почву,
Страдание сердца открыв.
Оплакивай прошлое ночью,
Но смейся к рассвету, смотри.
И думай горестной доле,
И грезь о реальности дней,
В раздумье о жизненной боли,
О смерти прохладной за ней.

Ты кружи, шагая в поле,
К дому, далее и боле,
В разнотравье – воле воля,
В ковыли краев иных,
Ты спеши себе накатом,
По ставкам и перекатам,
По земле звучи набатом,
Для здоровых и больных.
Ты лечи людей безродных,
Ты спеши местами родин,
Ты броди, молча о броде,
И ни слова об ужах,
Ты веди в края колючек,
Прямо в ужасы уключин,
За овраги, вражьи кручи,
В поле, вольная душа.
Ты пойми, в приволье спящем,
Страх уже не настоящий
И не жажда славы вящей,
Не предательства мятеж,
Не обманчивое пламя –
Но земли родимой знамя,
Честь Отчизны, боже, с нами,
Сохрани, спаси, утешь...

Дубы, что белые вороны –
Одни с листвою у зимы...
Судьбины хохот похоронный
Поздней, однако же, займись.
Шуми, что те чертополохи,
Что высоченные дубы...
Гори, что сполохи эпохи
И в горны галочки труби.
Мне дай состариться покорно,
Бредя осотами долин...
Но что же вороны повторно
Кружатся, жажду утолив.
Но что же призраки хохочут,
Меня, пугая и храня,
Терзая душу среди ночи,
Прохладой зимнего огня...

Дай мне, Родина, обряды,
Жить у совести вели.
Дай же сердцу биться рядом,
Горстью дедовой земли.
Дай о пращуре далеком
Поминанье – тишину.
Дай очами отчих окон
Наглядеться на жену.
И по совести обряда –
Землю дедову в горсти.
И в окно любви, что рядом,
Чувство верности нести.
И глядеться роду в лица,
Будь и счастье и беда,
И горсти земли молиться,
С чистой совестью всегда.

Ступая ногами на корни,
Шагая во тьме по песку,
В пейзаже мне видится горнем,
Как я забываю тоску.
Как я обхожу ностальгию,
В ночи отворяя окно,
Как я и со мною другие
Влекутся корнями давно.
И в смерти они грациозны,
И в жизни они – холода...
Как я в непроглядности поздней
Теряю тебя навсегда...

Крапива полыни сильнее,
Полыни могучей крапива.
Пришельцы в тумане синеют,
Глядятся они не красиво.
Крапива, кропи их, однако,
Они, увы, не исполины.
Их явное таинство знака,
А замыслы горше полыни.
У них и унылы красильни –
Убоги цвета на знаменах.
У них-то разоры всеильны,
А мы-то слабы поименно.
Мы кроткие, в крапинку лики,
Они-то укрыты забвеньем:
А мы за крапивой великой –
Они-то полынную тенью.

В земле пуховой возле сада,
Тебя никто не будет сечь...
А смерти жаркая прохлада
Промолвит искреннюю речь.
О поздней дочери суровой,
О бытии, тому и быть...
Но в глубине иного крова,
Тебя-то некому и бить.
Тебе, любимице родни-то,
Судьба легла наоборот...
Тебе и вьются жизни нити,
И рвутся розгами – пороть!

К реке лозу сгибая,
Кричу по всей земле:
Не речка-то скупая,
И дело не во мгле.
И не во власти слава,
А счастье, точно сны,
О ласковости, право,
Моей степной страны.
А дни ее истока –
В любви и естестве.
А сила – ее соки,
А золото в листве.
А я в чреде житейской,
Лозу согнув едва,
Кричу земле по-детски,
Серьезные слова...

У любви, у светлой силы –
Бесконечно ясный свет.
Очи светлые красивы,
Отчего они, ответь?
Не любви ли это свечи –
Силы светлые огни?
Не тоски ли человечьей –
Нескончаемые дни?

На линии изгиба,
В прозрачности судеб,
Предчувствуя погибель,
Беги, однако, в степь.
Люби ее, понятно,
Живи легко в степи.
Сотри на сердце пятна,
В траве тревожно спи.
И травами не брезгуй,
И слушайся судьбу,
Бери ее обрезки,
Лепи себе избу.
Храни ее обломки,
Правдиво помни ложь.
Стели себе соломку,
Не зная, где падешь...

И пошли воспоминанья,
И промолвили, не спи...
И легли не поздней ранью,
В тени сгорбленные спин.
В те усталые оплечья –
На затылки шевелюр...
Помню их – они далече,
Их едва ли шевелю.
Тени трогаю мольбою,
Спины, длящиеся ввысь...
В тени, что передо мною,
Бьется памятная мысль.
Там уже и нет обличий,
Там ни звука на речах.
А в душе уже безлично –
Взоры мертвые в очах...

И нынче вой дождя кромешный,
А ты трудись, и ты живи,
И ты у радости конечной –
Начало новое любви.
У красоты ее ничейной,
У предрассветной новизны,
У скуки, собственно, вечерней,
В траву тихонечко скользни.
У дома маминого с краю,
Живи судьбой по тождеству,
Собой не землю удобряя,
Но шевеля в дожде листву...

Ты судимая душа –
Ты в страданье неподсудна.
Сердце этим утешай,
Обращайся, если трудно.
В расселенье это душ –
В умиление потомку.
А сиятельная глушь –
Эхо чистое в котомку.
А ночная тишина –
Пробужденье счастье-внука.
А рассветная вина –
Ты судимая и мука.
А сошествие во тьму –
Горе – горькая утеха,
Неподсудному уму,
У рыдающего смеха.

Трава не подруга паслену,
А клеверу – север направо.
Для пижмы, горчашей по склону,
Душевная сладость – отрава.
А суслику юркому – прихоть –
Сновать у травы тонконога.
А ты все пытаешься прыгать,
Ища в бездорожье дорогу.
Теряя душевные нити,
На бабочку – сказочку глядя,
Паслену шепнув, извините,
Шагая по клеверной глади.
Куда-то идя задушевно,
Усладу душевную холя,
Не чувствуя зла совершенно,
В неволе у чистого поля.

А силе нечистой кажи отворот,
Не к ней обращай острожные взгляды.
Обратное действие, сердце не врет,
На темные дни полагаться не надо.
Но можно пока поклониться траве
И капле замерзшей воды у истока.
Возможно, мистерия снится молве,
А ясному взору – глухая протока.
И ложного света лучится кайма,
И тьмы изречение кажется слева.
Да ворот обратно кружится ума,
Да сердце ведется на мертвое древо.

Сын отцу не поклонился,
Сразу высохла криница,
Утро вычернила тьма.
Сильно травы загустели,
Стало холодно в постели,
Вышло счастье без ума.
Разрыдался ты в поклоне,
У проклятия в полоне
Повинился папе вмиг.
Потекла криница к стежке,
И утешили потешки –
Сжали сердце напрямик...

Пророку положено небо –
Сказание живо о том...
Земного послания мне бы,
Рождение дочки потом.
Немного супружеской тайны –
Семейного быта в ладонь.
Касание милой устами –
Любви для души молодой.
И кротости истинной в горе –
И тихого света в душе.
И вежливой мудрости в споре –
Пророку при жизни уже.

Сном уверенно представься,
Живо сон изобрази:
Чисто сонной ипостасью,
Растекайся же в грязи.
Расчеши течение гребнем,
Травы выкоси потом,
Думу думай же о хлебе,
Просыпайся сонный дом.
А во сне какая надпись,
На фасаде у ворот?
А к утру – на очи закись,
На судьбине поворот.
А внутри томятся кости,
А во рту пуста десна...
Но иди же к маме в гости,
На погосте не до сна...

Число ушедшее эпохи
Едва пригрезится во тьме.
А дни, что, кажется, не плохи,
А дни останутся в уме.
И те же крестные родные
Одни давно меня простят.
И дети все мои грудные
Уже ожгутся на страстях.
И не удержатся традиций
Те не серьезные дела...
Любви бы только возродиться,
И чтобы ненависть была...

Родного сада ветками,
Родни моей заветами,
Свети родимый свод.
Побелкою фасадною,
Удачами, досадами,
Кто, собственно, завет?
За выемки журчащие,
В акации, что чащею
Ветвятся у дождя.
К родне – за стены темные,
В мои края бездомные,
К тебе, моя вражда.
К тебе, меня враждебного,
Седого и почтенного,
А плоть уже слаба.
К тебе, мое Отечество,
Зовет, и сердце мечется,
Но кто, моя судьба?

Вдаль уходящая тропка,
Травы, смещенные ввысь...
Более, нежели кротко,
Светлая теплится мысль.
В смутные льется равнины,
Менее темные, чем
Дни, что с травой сравнимы,
Что пожелтели затем.
Те, что осмысленны грубо,
Те – неужели ушли –
Видятся травами глупо,
Тянутся днями вдали.
Те и теряются далью,
В серо-зеленую муть...
Те и судьбу повидали,
Те и продумали путь.
Тем и придумали боли,
Тем и почтили года –
Тропкою долгою в поле,
В думы уйдя навсегда.

Закапывая идола,
Бери его имущество,
Тихонечко возьми.
Глумливое раскаянье –
В рассветную бессонницу –
С восьми и до восьми.
И как-то люди сызнава
Про идолище вызнали,
И ты в его чертах.
И ты по преимуществу –
Подобье истукана ты –
Несешь на чердак.
По совести ты бесишься:
Повесишься, но выживешь,
На вервии стропил.
Отец единобожия,
Характер ярко выражен,
Кропи его, кропи...

Это дни, что мне милей –
Это сны тревоги разной.
Эти улочки аллей
Ночью снятся не напрасно.
Это памяти огни
Чаще светятся из мести.
Это умственные дни –
Дни лиловые известий.
Это кажется, скользя,
Под акациями тлея...
Это ранние друзья –
Это темные аллеи.
Это дни едва видны –
Это годы дарованья...
Мысли светлые одни
И любви очарованье...

Становился ты моложе,
На краю своих измен.
Покаяние все строже –
Легкомыслие взамен.
И такое бремя власти –
И такой на время быт.
И устали страшно страсти
Одиноко просто «быть».
И, однако, превращенье –
Ничего, что нищета.
Молчаливое прощенье –
Наказание, считай...

И по мифу о рожденье –
Ты не зачатый отцом.
Покровитель рода денно
Горячился: «Молодцом...»
Охранитель крова, значит,
Назывался солнца свет.
Поклонялся пес кусачий,
Абрикосовая ветвь.
Выло доли провиденье,
Скуки сводная сестра,
А по мифу о рожденье,
Все играли до утра.
По чудесному зачатью,
В первозданной рани всплыв.
Чтобы весело качаться,
В гуще крадущихся слив...

Силы у луга проси,
В сердце желания вянут...
А у речной полосы –
Бодрые братья-славяне.
А медно-рыжий колчан,
Саблею криво распорот.
Вещее сердце качай,
Зыбку тyani у распорок.
За луговые ключи –
На колыбельное бденье.
Богу моленье шепчи,
Внука встречая рожденье....

За неведомой тропой,
В пустырях озер, известно,
У воды уныло спой,
Сердца радостную песню:
Что такого-то числа –
Совершенно день особый –
Не лета перечисляй,
Но грехи своей особы.
Самое себя узри,
У тропы, молясь в озера,
На глубины-пустыри –
В песни славы и позора...

Хлеба ложатся в ноженьки
Да суетно уму,
Да злоба все на боженьку,
С чего бы, не пойму.
С того ли мне и холодно
На росы наступать,
С того ли мне и молодо –
В твоей любви опять.
С тобой мы в поле пустимся –
На вечное родство,
За старенькое устье,
За устье – в озорство...

Это тени нашествий –
Незабвенная жуть –
Это лики на жести
Дни сигнальные жгут.
Просто хрипы у ставен,
Не предсмертные пусть,
Оглянуться заставив,
Превращаются в грусть.
И терзаются створки,
Словно бьется тоска.
Словно ты у пригорка,
Но живая пока.
Это в холоде пыла –
Новой темы канва –
Это светлая сила –
Облака, синева...

Ты не вырастешь до кроны,
Не запомнишься молве
И в комедию по крови,
Заберешься в голове...
Молвишь, умственно тревожа,
Покаянно промолчишь,
Забывая сердце ложью,
Оглушая молча тишь
Нежа вещи в зыбке теней
И за тени уплатив,
Идя в марево видений,
Жизни светлой супротив...

Когда ты вьешься пуповиной,
Когда ты нравишься себе,
Ты, человеке половинный,
Полнее видишься судьбе.
И ты носи миры на шее,
Держи за четки мира ствол.
И в мире двигайся свежее,
Ища родное естество.
Но черви скользкие противны,
Но смута грязно хороша...
Ты человеке не рутины –
Ты жизни полная душа.
И ты в уме просветы ищешь,
И ты живешь-то по уму...
А ты кому аналогичен,
А ты подобен-то кому?

Ты вечно горсть ее храни –
Земли зернистой и холодной.
В ней почвы глинистые дни,
В ней почки вид еще голодный.
В ней жизни прожитой на треть,
Кручина радостно сгорает,
Та, что уже не посмотреть
И тяжела земля сырая.
А в ней прохладное зерно,
И в ней мой первый прародитель.
И почва светится давно,
По ней немедленно пройди ты.
По ней гуляй и день, и ночь,
Уже рассвет обличье лижет
И вечности не превозмочь,
И прародители все ближе...

Улыбайся инородцу,
С ним, однако же, не пей,
Помоги ему бороться,
Сохрани его – успеи.
На плечах его крылатых,
Ты беду-то не чини,
В виде радужной рулады
И такой величины...
Шире даже переулка,
Не сравнить-то по длине,
Оборачивайся гулко
Удивление во мне.
Просыпайся в сердце чтение,
Шапку наземь опусти,
Чтобы бросили почтенье
И монетку по пути...

Сюжетно близкие слова
И представленья некой страсти,
Тона бегущие истратив,
Меня влекутся целовать.
На имя собственное злясь,
На то, что я начало бедствий.
И что во мне ни соответствий,
Но маловерие, и грязь.
На ней читается «Тиран»
И веет истинно зимою,
Ужасно грязною сумою,
Ты зря тона-то не стирай.
А поцелуи сохрани,
В своей метафоре заветной,
В беде судьбины кругосветной,
В обычно радостные дни...

Жизни-смерти незнакомец,
Ничего с тобой не станет.
Ты судьбы исполни танец,
В лик ее гляди искомый.
Вычти бредни родин всяких,
Ложь отчизны на чужбине.
Ты запомни дни судьбины –
Все лета на сто десятков.
Ты гляди упрямо в склоны,
Не смертей змеятся шеи,
Но земному притяженью,
Бей полсотни раз поклоны.
Тьму моли на тьме лежачей,
Вглубь еще начни движенье,
За любви расположенье,
В сотни лет еще ближайших...

Веру в небо разгроми,
На плечо бросая вещи,
Да еще рождая миф,
Ни о чем вещая веще.
И о том, что в правде ложь,
И о таинстве разора.
Кроме неба, что возьмешь –
Землю отчую да зори.
Отвори еще уста,
Ни о чем вещая веще,
В меру отдыха устав,
На слепые глядя вещи.
В блеске молнии долин,
Разрывая дня оковы,
Всю округу утолив,
В жажде веры, что такого...

К зиме удвой сухие страсти,
Гляди, ты жив, осенний друг.
Тоска осенняя не засти,
Любви и ненависти вдруг.
Но это чувства просветленья,
И божество – хранитель их.
И ем, и пью влюбленной ленью,
И торжества слагаю стих.
А голова моя седая
В округе видится светло,
А на рассвете я рыдаю,
Осенней радости – на зло.
И ем, и пью уже бессонно,
И сердце бьется, рифмы чтя...
И страсть осенняя – резонно –
Моя последняя мечта.

Солнце кровавое низко,
Сонный закат в отдаленье.
Вот и прощение близко,
Вот и души утоленья.
Вот и душа лучезарна,
Вот она без оболочки.
Вот и приятели парни –
Вот и могилы у прочих.
Вот и гордыни засилье –
Все в лебеде заскорузло.
Вот оно – сердце России,
Вот оно видится грустно.
Вот оно – счастье и горе,
Вот и за пазухой камни.
Вот и дорога в изгой,
Вон и туманишься, канув...

Ни мужского, ни женского пола,
Ни высокого неба, ни поля,
Ни холодного солнца у дня.
Ни раскола в душе, ни единства,
Ни желанья в судьбе убедиться,
Облегает унынье меня.
Появляется семеро бесов,
Отражается семь арабесок –
Это бога враги, тьфу, тьфу, тьфу...
Ни мужского, ни женского лика,
Время личное – смуты великой,
Я на помощь унынье зову.
Я гоню раскаленные мысли,
Что в уме, остывая, повисли –
Что смутили меня, боже мой,
Я шепчу в небеса возле поля,
Разрушение духа доколе –
Заблуждение жизни самой...

Ты рождение вершины –
Это правда, а не ложь.
Ты явленье маме сына,
Ты дождями слезы льешь.
Оживляешь и песчаник,
И любви сухую грудь,
И тропу судьбы печальной,
И веселый смерти путь...

Глухая сила страсти личной –
Слепые страхи о беде...
На тишине в покое птичьем,
Роятся образы везде.
О тайне избранной деревьев,
О дикой сущности души,
О страсти личностной и древней,
О силе вянущей в глуши.
О борозде – у подворотни
И то сомнению подлежит,
Что тайно и бесповоротно,
Цари мне гнутся – муляжи.
И подчиняются мне судьи,
Каких, однако, вовсе нет.
И снова длятся страхи сути,
И смертно бьются тьма и свет.

Смертные краски липучи,
Клейкие почвы – не тучи,
Глины зернисто желты.
Тихо докучливы комья,
Плачу на травы о ком я,
Мелко рыдая, а ты?
Долго страдаю брезгливо,
Что-то душа боязлива,
Краски пугают ее,
Небо холмы накрывают,
Шепчется сердце, трава я,
На неземное былье.
Плачется, душу тревожа,
Горе прощается, Боже,
Жизни, идя супротив.
Радости чувствую в плаче,
Кривду в мольбе, не иначе,
Лжи откровенье, прости...

В скорби мученика поздней –
Пляска смерти на костях...
После царства, рабства после,
После жизни на-ка стяг!
Нате флаг еще, уроды,
Нате царскую хоругвь!
Знамя ввысь и все народы –
Толпы злобные вокруг!
Знамо радостная пташка
Оживи доуку дня,
В скорби мученика тяжкой,
В кроткой радости меня...

Снега большое значенье –
Маленькой мысли теченье,
Неги легла акварель.
Тонко наполнила кистью,
Больно мелькнувшие листья,
Кажется, пыл отгорел.
Вспыхнули грубые краски,
Выстыли нежные ласки,
Думы застыли, легки.
Глухо завывли метели,
Словно проститься хотели
Грубые тропы земли.
Словно остались этюды,
Где ни банального чуда –
Снега шумливая тишь.
Где прикасанье калек,
Мне исцелило колени,
Но на мгновение лишь...

В судьбе историчной,
У мысли мифичной,
Однажды во тьме,
В ночи одинокой,
К заре светлоокой –
Прозренье в уме.
Безвременье света –
Ни снега, ни веток,
Ни милых очей.
Слезиночки мчатся,
В ночи домочадцы
И ветер ничей.
А радости – в плаче
И слезы удачи –
Однажды во тьме –
В истории темной,
В мистерии комнат,
В незрелом уме.

А мысли надо бы связать,
Медвяной влагою осыпать...
А смысл, упрятанный в глаза,
Оговорится, пусть и сипло
Суля враждебные миры,
Шепча бессмысленные речи,
О смысле жизненной игры,
О сладкой горечи наречий.
О том и ночи тьма бела,
О том и дня темны глаголы,
А все, что мысль уже дала,
Смысл удивительный и голый.
О жуткой связи естества,
Смолчи у милого порога.
Шепчи мне, мамочка, слова –
Дари напутствие в дорогу.

В способности предсказывать,
Себе-то не отказывай,
Храни ее ключи.
А если в сердце засуха,
Унынье выпри насухо
И – сказано, молчи.
И сказывай пособнику,
И сказку, и по соннику,
Вовеки, ныне – так!
Про таинство сердечное,
Про счастье скоротечное –
Про годы и лета.
Про жизненное месиво –
Кружи его не весело –
Да свет его включай.
Скажи слова правдивые,
Душа моя родимая,
У чистого ключа...

И смиряешься устами,
И склоняешься все ниже,
И мышинными путями,
Все скребешься к небу ближе.
И терзаешься в покое –
Настежь окна, вздуты вены.
А за бдение такое,
Все гордишься сокровенно.
Что тревожишься все пуще,
В категории умершей.
Что стремишься к неимущим,
Слабость умную уменьшив.
Что скрываешься в обитель,
Нежа сердце божьей карой.
Что, прощая, всех обидев,
Льешься гордостью-то старой.

Осенней дело скуки –
Смятенье старых ив...
Знакомая излука,
Веди меня, спросив:
Что я лицом измучен,
В излуку-то идя?
Что ивы у излучин –
Не происки дождя?
И что же за темница –
В дождливом ивняке?
И что твоя десница
Видна невдалеке...
А в ней светла лучина,
А сбоку невдали,
Осенний твой мужчина –
На краешке земли...

Стремись же рысью машистой –
Прямой изгибы плеч...
Глотни рассвета, кажется,
Вели душе прилечь.
Дави пучки ковыльные,
Права травы поправ.
Глаголы чисто пыльные,
Клади в настои трав.
И пей устои сбивчиво,
И рысью уходя,
Смиряться не обидчиво,
До солнца и дождя.
До края, что заиндевел,
Теплея за крыльцом,
До неба ситца синего,
До века – мудрецом...

На врага гуди шелом,
Бурьянами прошлогодними...
Бьются недруги челом,
Бьют, однако, не угодники.
Да несутся на рысях
Дорогие сердцу мытари.
Да и небо-то в лесах,
Да и в речи – косно исстари.
Лично реченьку бери
Да буди родню рассеянно,
Да врага в огне зари
Пепели – золу рассеивай...

Деревья голы и пусты –
Дождя осеннее господство...
Молчанье по ветру пусти,
Не это ли – с душою сходство?
Не сердце ли с утра саднит,
Грустя последними слезами...
И годы катятся одни,
Приемля осени экзамен.
И наши общие сто лет,
И нашу страсть уже иную...
Иначе – осенью вослед
Врываются, не повинясь...

Ты на краешке края,
В черно-белом краю,
Не серьезно играя,
Рвешься в душу мою.
И взрываешься в чувстве,
Сердце мне озарив...
И доныне лечусь-то,
И не сплю до зари.

Метаморфозы свет иной –
Иное страстное слиянье.
Мое влюбленное сиянье –
Твой лик еще передо мной.
Твоя светлейшая игра –
Моя сияющая прихоть.
И в небеса желанье прыгать,
Как бы в рассеянное бра.
Как бы прореженные дни –
Их осветленное затмение.
Метаморфозы все уменьье –
Твои любимые огни.
Метафор умственная грусть –
Твое касание несмело
И покаяние умело,
Несостоятельное пусть...

Еще нет и полудня,
Ну, а ты уже гений...
Все возможно и трудно,
Все реальнее теней.
Все легко у заката,
Ну, а ждать-то недолго...
Все ответы – загадка,
Все бессмысленно с толком.
Еще время росе-то,
Ну, а тени безлики...
Еще тьма у рассвета,
Ну, а ты не великий.

Топчу зародыши весны,
Питая жанровые сцены,
Строкою чувственно бесценной,
Молвою отчей стороны.
Так утрясаю горизонт,
Дела локальные колыша,
Что и весне, и отчей крыше,
Таить оттенки не резон.
А горе-сон излишне длит,
Мои туманные исканья –
Сырыми топкими песками,
Тобой, рожденной у молитв.

Живи не выше неба-то,
Свергайся у души,
Лови себя-то в неводы,
Пучины вороши.
Не путай рыбы запахи,
Ловись у быстрины,
Живи себе на западе,
Восточной стороны.
В тоске пустого опыта –
Грехи его костяк –
Живи себе, где попадя,
Ни дома, ни в гостях.

За все заблужденья мои,
За все, что в сознание берется,
Осеннее небо моли,
Осыплется пусть же береста.
За все, сострадавая, душа,
Поднимется пусть же надолго,
Высокому смыслу служа,
Отчеству местного толка.
За все укрощенье огня –
Такое душе порученье.
За все – в окончание дня –
Прощальное сердцу мученье.
Его, принимая, скорби,
В сердцах изменяя прощенье:
На глупые страсти любви,
На ненависть умную мщенья...

Что за птица в отдаленье
Веселится в скуке дня?
Что за сила бьется ленью,
Вместо страсти у меня?
Что за чувство доли ветхой,
Боже правый, я не вру,
Что за птица там у ветки
Веселится на ветру?
Только я не слышу пенья,
Вдаль и далее смотря.
Только сила бьется ленью,
Скукой радости с утра.
Только скука лени снится,
Вместо страсти и огня.
Только трепетная птица
Веселится в скуке дня...

Что ты почувствовал образом умным,
За облаками, летая со звездами?
Где ты присутствовал в образе лунном
Странника птичьего – где-то за гнездами?
Где-то в страдании периферийном,
Где наслаждаются разве что девою...
А чудо – действие жизни серийно,
А лунатизм исключительно темою.
В ней постепенна греха искрометность
И кривобоки гнездовой созвездия,
Где ты степенностью чувства промотан,
Где безымянные странны известия...

У живой воды небесной,
Ты потомства-то и жди...
А соседка, вроде песни,
Льет уныния дожди.
Вьется призрачностью дыма,
За любовью молодой,
Пуповиною родимой
И небесною водой.
А за водною стихией,
Свита деток-то видна...
Сны-то вроде не плохие,
Тихо плачется она.
Уходя по залу дальше,
Лихо платье расстегнув,
Становясь уже не старше
И женою лишь окну...

В осеннюю скуку ума,
Бреди по округе родимой...
Реши, что излука сама –
Свободная необходимость.
По ней ощущенья пусти,
С осенними чувствами вместе.
И слезно излейся в пути,
Как будто беда на насесте.
И будто бедовая мысль
Излукою длится прямою,
И страстно взвивается ввысь,
Осеннею скукой самою.
И кружится листьями дня,
И длит умозренье до пота,
Что рабски струится в меня
Ума и души несвобода...

Что еще, скажи мне, чтица,
Обездоленному мне,
Дай же небу заструиться,
Мимо сутолоки дней.
И не дымностью обвислой,
Не бесформенностью зла,
Но единственностью мысли,
Но судьбой, и все дела.

Мама молвила: «С богом...»,
Папа злился: «Пока...».
Я стоял у порога,
Подпирая бока.
Я терзался уныло,
Как отца понимать?
За калиткою с тыла,
Тихо плакала мать.
Я прощался в полслова
И смеялся притом.
Мама вздрогнула снова,
Папа шурился в дом.
Я прощался навеки,
Я скрывался за мглу...
Мама трогала веки,
Папа злился в углу...

Творя не веселую скуку,
Кроша раболепную речь,
Постигну свободы науку,
Попробую волю наречь.
И вольному имени снова,
Прольется прохлада речей.
И в поле былинного слова,
Невольно забьется ручей.
И рабски унизятся толки –
В грехе осуждения дня.
И братски ощерятся волки,
Грызая за свободу меня...

Не твори кургана присно,
Дни язычества забудь.
Не свершай поверху тризну,
Не смущай по низу путь.
Предуведомив, однако,
Смяв у склона ковыли,
О пути, о силе знака,
Чтобы те не подвели.
Чтобы эти среди поля,
Трижды вспаханной земли,
В тишине свободней воли,
У кургана-то легли.
У речей заупокойных,
У язычества, у тризн...
Ни тревоги, ни покоя –
Приснопамятная жизнь...

Проси содействия у чащи,
У светлой сущности ее
И шевели мозгами чаще,
Тебе способствуй бытие.
И бурелом уже черненький,
И воплощенной доли мысль.
Смотри, сошествия чертенок
Все пробирается –то ввысь.
Скорей затри его начало,
Гони явление чудно...
Ему что радости, печали –
Ему-то в мире все равно.
А ты мозги свои ворочай,
Проси содействия в краю,
У темной сущности пророчеств –
В эпоху светлую мою...

Будь и шутка обиходная,
Будь и – правда, и обман,
И вина – кому угодная,
И забвения туман.
Те же люди, то же бдение –
Тем и тамошним умом –
Неповинное видение –
Покаяние само.
И молва тебе на местности,
И забвение иных –
И рождение известности –
Поминание вины...

Иди к любви – последней точке,
Гори еще и ярко рей...
Гости у внука и у дочки,
Запоминай же все скорей.
И дом у самого кургана,
И горизонта полосу,
И дни приемли, не ругая,
И сам себя не полосуй.
И не влюбляйся безответно,
И на тоску не намекай,
И о любви молчи бесцветно,
Скрывая чувства на века.

Комедийны больно речи –
Драматичный слова тон.
Тех явленье, кто далече,
Тени это, просто сон.
Жизни явная досада –
Счастье скрытое пути.
Не пугайся ты, не надо,
То и то не обойти.
Небу кайся в эти годы,
Тени те не примечай:
В драме рабства и свободы,
В комедийную печаль.

Целуя всех и прочих,
Срывай же все и вся:
И то, что было в роще,
И как почил, вися.
И как в пылу рассвета,
У жалостного дня,
У преданного ветра,
Ты предал и меня.
И как осины звоны,
Свидетельства верны,
Души глухие стоны,
Обратно мне верни...

Кто стучался ночью прежде,
Кто же бился сердца реже,
Разве это не судьба,
Не явленье крестной силы,
Не холодная могила
Грызла божьего раба?
Разве это дело чести,
Разве то мотив не честный,
Разве жизни плохо днем?
Разве смерти отзвук общий
Ночью слышался на ощупь,
Разве страхи были в нем?

В ручье прохлада дыма –
Огни в ручьистой тьме.
На сердце нелюдимо –
Немыслимо в уме.
Одни останки листьев,
Одно чело лица...
Души повадка лисья,
А ну-ка, вылезай!
Лети к ручью, что брызжет,
Струится на очаг.
Плети зарницы рыжей –
Дымы внутри ручья.
Ее огни все ярче,
А ты у тьмы дымов –
В ручье луны, мой старче,
За крышами домов...

Пусто ли в чреве твоём,
Сердце изводится в муке.
Сонные песни поем,
Долго печемся о внуке.
Слышим и страсти тайфун,
Возглас – ужели священный –
В небе восточнее лун,
В счастье земного отшелья.

В степи осенняя погода –
Дождей змеистые ручьи
И просто возраста невзгоды,
И просто боли горячи,
Ведя в степные ночи, право,
Теряя страсти на пути,
В угоду ветрености нрава,
К реке, змеящейся почти.
По ходу изменной тревоги,
По склону радости судеб,
Степной позируя треноге,
Любя изменчивую степь...

Ты меня вдали зови,
Ты являйся, лесовик,
Не звериными манерами.
Ты мани меня, лешак,
Прогуляться-то в лесах,
Веселя своею верою.
Напои ручья полней,
Охлади сомненье в ней,
Не рогами и копытами,
Но глубинно у меня,
Связи волчьи изменяй
И на веру-то испытывай...

Священная мистерия –
Реальная хула...
Потомство, вроде, серое,
Могила предка зла.
В осоте и находится
И ствол его колюч.
Потомку, как и водится,
Не зря дается ключ.
У двери-то распахнутой,
В открытую мечту...
Веди его за пахоту,
В могилу, да не ту.
В осоте и храни его,
Возьми-де в сыновья,
Веди его, ранимого,
Пусть учится, снуя...

Вьюги темно-светлые
И полутона,
И снега рассветные,
Что за тленья сна?
Что за думы спорные,
Что за маята?
А в мышленья спорили
Сны и темнота.
И рождались истины,
Вьюги холодней...
Звуки, точно листьями,
Рокотали в ней
Твои чувства нежные
Бередили вдруг.
Вьюги темно-снежные
И снега вокруг...

Что ты лезешь-то в причины,
Ты, пиита таковой?
Будь явление кручины,
Но не более того.
Стань и менее смиренник,
В жажде узкого пути.
Ночью плач о страсти древней,
Днем же флаги приспусти.
И проси в мольбе надежды,
И беги за словеса,
Пряча в жаркие одежды,
Прямо мокрые глаза...

Кто считается народом,
Кто резвится пуще детства...
Кто любит природой,
Если пристальней взглядеться...
Если, право, разобраться,
Если правильнее мыслить,
Кто же праведнее, братцы,
Чьи деяния нависли!
Чьи же выглянули очи
И застыли непослушно...
Кто смиряется полночи,
Если в гордости-то душно.

Еще поминая обиды,
Ищи вместо дружбы врага.
Еще отправляйся для вида,
Куда не ступала нога.
Туда унесла перебранка,
Горча отношений плоды,
Когда ты в избу перебрался
И тайно детей наплодил.
И тихо укрылся за вечер,
В легенды обмана и лжи,
И – дико – задул еще свечи,
Еще и цветы возложил...

Окраску вычерни окна,
Тонами скучными плени.
Глядится в сумраке одна
Струя туманной колеи.
Она и видится во тьме,
Она стучится за стеной.
Она и слышится в уме,
Сюжетной линией одной.
И тьма светлее оттого,
И стены рушатся внутри,
И невозможный сердца вой
В уме неслышно повтори.
На то и жизненный сюжет,
На том и жив, однако, я:
Окраска светлая в душе –
Судьбы кривая колея...

Дело главное доделав,
Озираясь у поделок,
Ты пойми в ознобе тела,
Что твоя душа хотела.
Понимала, что ты сгинешь,
А проснешься только в иней –
В красоте туманной линий,
В преломленье ночи синей.
Оживала, искры сея,
Озиралась у веселья,
Несмотря на вознесенье,
Нищеты своей весенней...

О славе бренной ты ни-ни,
По луговой равнине топай...
К тому же ты еще ревнив,
К тому же ревность – это топи.
К тому же ты в любви смешон,
На страсти мелкие рассеян...
Что мужу слава за межой –
Что лужи памяти осенней...

Душа, набитая речами,
Душа холодная внутри,
Любовь измученно встречая,
Уже волнуется, смотри!
Любовно прошлое миную,
Переплетается в речах,
В другие чувства, в жизнь иную,
На правду страсти на очах...

Мы сумеем обратиться,
Мы покажемся скромней,
Мы решимся, мы же птицы,
Мы о страсти, мы о ней.
Мы зачтемся беспристрастно,
Мы зачнемся, вопия,
Вознамеримся бесстрашно,
Убедимся, ты есть я...
И представимся по чести,
И начнем издалика,
И по очереди вместе
Вознесем в облака.
Убедительно летучи,
Исключительно паря...
Нас вы примете за тучи,
Нас осудите вы зря...

Ты ненавидела первично,
Твои не ожили глаза...
О том еще признание лично,
О том и горечи слеза.
И муки ревности противной,
И то, что я в любви изгой...
И точно тленности рутина –
Докука долгая мозгов.
И честолюбие, и бренность,
И дни любви, что хороши...
И невозможное горенье –
Любви на краешке души...

Разве не тленные запахи сдоб
В разное время являются верно?
Разве старение неимоверно –
Копотью потною чтоб его, чтоб...
Чтоб и морщины в его гущину,
Чтоб и на саже его не ужиться...
Чтобы прохладно смеясь у божницы,
Страсти любви сохранили жену...

Я брат его внука,
Я сын его сына...
Но то-то мне скука,
Но что-то не сила.
Я дочки племянник
Его позабытой...
Но тетю помянем,
И тема избита...
Но прошлого дверца
Распахнута словно!
Я звук его сердца –
В строке родословной.
Мне счастье и мука,
Мне ноша посильна:
Я брат его внука,
Я сын его сына...

Веки, грезя, приспусти,
Краю вымолви, прости,
Слепо топая ногами.
Помоги себе – слепцу,
Прогуляться по лицу,
Скулы боли напрягая.
Зачеши седую прядь,
Подле вехи жизни сядь
И грусти, что рвутся нервы.
А снаружи тьмы поток,
А внутри до ста потов –
То по старости ты первый...

Тебе весна, любви наместник,
Надежды, радости и песни,
Дитя любви, начало сил.
К тебе любви влекутся духи,
К тебе в крови несутся слухи,
И правду боже возгласил!
И страсти множество тропинок,
И о любви слова, мой инок,
Мой мальчик утра и низин.
Тебе пещеры, рощи, травы,
Любви богиня, боже правый,
И счастье страстное вблизи...

Доброте явиться скоро,
Дабы скрыться чувству зла...
Обрати ее в опору,
Дабы крепкою была.
Береги ее границы,
Дабы выросли хлеба...
Доброте отныне длиться,
Называться ей судьба.
Доброте бы сниться присно,
Мне бы сны ее сберечь.
Мне бы эту правду вызнать,
Обрести молчанья речь.
Мне б любви у жизни древа,
Зло меня не ослепи,
Мне бы в страсти доброй девы
Опуститься за хлебы...

Стираются старые темы,
Рождая стихи и мотивы.
За этими днями, за теми,
Одни снегопады да ивы.
Да тени ложатся на склоны,
Холодную страстью несмелой.
Да кукольный образ у кроны
Творится весьма неумело.
И просто фронтально двоится,
За тем же, известно, напевом.
И кукольно яркие лица –
За ивою сразу налево.
И глухо в прямой перспективе,
Земля разверзается, право.
И просто теряешься в иве,
За этими днями направо...

Изрыгай судьбе проклятье,
Высшей карою грози,
Надевай не жизни платье –
Ты лежи смешно в грязи.
Ты бесплотен и бесшумен,
Издавай же жалкий рык...
Проклинай же, что не умер
И живи, любя, старик.
Грозно вышедши, да будет,
Грязно крикнувши, смешно.
Умирай, рождайся в люди,
Тихо в ропоте, но-но...

Не участи скитальца,
Избегни по судьбе,
Не голодно питайся,
Но зло в себе убей.
На зло смотри, раскосо,
Скитайся, коли страх,
В судьбу, ступая босо,
Сжигая сердце в прах.

Ложки звякали в стакане,
Лживо чайники свистели,
Песни сыпали минор...
Темы двигали устами,
Доводили до истерик,
Думой виделись иной.
Скуки маслячной гроздью –
Веселее океана –
Солнца раннего лучом.
Ночью раненою вроде –
Полной искристости ванной –
Мысли пьяной кумачом...

Сокровища несметны,
Что воинство Творца.
Товарищи бессменны,
Что воля у крыльца.
Что солнечные ветры,
Родители твои...
Сукровица приветна,
Ты деву-то пои,
Ты ей представься старцем,
Сюжет у дня таков...
Сокровища-то в ларце –
Что в доме едоков.
То сердцу сокровенно,
Что детушек имей...
То горюшко кривее,
Что счастье-то прямей...

И дарованье...

Не отринь же меня истерично,
Помертвелой усталостью щек.
Посмотри на свою историчность,
На глумление страсти еще.
Погляди, я истерзанный страстью,
Ты, ликуя, к истерике льнешь.
На ослице по городу власти,
Ты стремишься в столичную ложь.
Я все жду неправдивого чуда,
На язычные храмы смотря.
Ты смеешься в последние чувства,
Меня гордо бичуя с утра.

До утра в душе ни звука,
До утра пусты сады.
Так и хочется аукать,
На заре блуждая в дым...
Так и мутно в думе гула,
А сады вдали темны,
Так искрится переулочек
Что светло у тишины.
Так и рушатся расчеты –
Ярко вспыхивая в ней,
А сады резвятся, что ты,
Гула слышатся сильней.
А за утренней зарею –
Печки мокрая зола,
А за ставнею сырою –
Сада утренняя мгла...

Любимой Элине

Ты спала, моя хорошая,
Тенью ангела во сне,
Простыня твоя в горошину
Полыхала, как в огне.
Как усталое предание,
Ты жила в себе самой,
Слыша сонное рыдание,
Смех и слезы, боже мой!
Явь и сны сновали около,
Горевала тьма зеркал.
Ты, мой ангел, явно охала,
Образ ангела сверкал.
Тень его скользила бежево,
Протирала очи ты,
Наши сны стирала вежливо,
Прядью сонной красоты.

В ударе молнии, в пролитии дождей –
Соитие земное с небесами –
Рождение невинное детей,
Мы собственной персоною, мы сами.
И ты, супруга неба и земли,
Спускаешься по-детски в день рожденья.
Ты сердцу что-то нежное сули,
Ты будь условно пролитую тенью.
И близко к хаосу вселенной и земли –
Дожди опять и снова погребенье.
А ты и счастье сладкое вдали,
И горя неразборчивое пенье...

У семени крапивного,
Давно ли драли розгами?
Давно ль душа невинная,
Что милостыня, роздана?
Горстями – кашей ячневой,
Она, похоже, ситечко...,
Давно ли дни маячили,
Что ангельское личико?
Его ль горчили примеси,
В крапивной отчей вотчине,
А к ночи, злобу выместив,
Его ли жгли обочины?
Валило пламя дымное,
Тучнела густо кашлица...
Обиды-то взаимные
Кропили кровью, кажется...

Жалкое торжище –
Кашица забвения
Да снега, дружище,
Как обыкновение.
Да трава, приятель,
В стороне у столика.
Да тебе приятна –
Неудачи толика.
А тропинке синей,
Ты звездами посланный,
А торжищу – иней,
Ну, а ты опознанный.
Ты летишь у тучи,
У весны возмездия
И забвенья учишь,
Памятью известия...

Молчу неделями о главном,
Кричу истошно до восьми...
Восьмого дня теченье плавно
В существование возьми.
И многодневные мытарства,
И всю неделю немоты.
А счастье – горе и бунтарство,
За дни былые замети.
За стебли горькие полыни,
За пижмы блеклые цвета...
За то, что дни восьмые ныне
И неуместна маята...

Мы в снеге до времени в комья слежимся,
Мы нежно – водою прольемся в базальт.
Мы станем однажды, возможно, снежинки,
Кружа в снегопаде, летя на асфальт.
Светля, вероятно, ветвистый орешник
И дом у орешника, что незнаком.
Еще, обеляя поникший скворечник,
А в горле терзая пружинистый ком.
Еще ты проснешься, в снега убаюкан,
Чужая родня испечет ли кулич?
Еще тебя, сына далекого юга,
Возьмутся ли наскоро люди остричь?
Зачнутся ли следом у сердца морщины,
Стекая в прохладу худого лица?
А вслед отрекутся ли дней годовщины,
Кружа снегопады еще у крыльца?

Прямо происки светила
Криво светятся с петель.
Прямо запертая сила –
Прямиком еще постель.
А за нею в сновиденье –
Мама около ключа,
А за нею прямо тени,
Чисто боги у плеча.
Прямо страхи, что ты запил,
В той, страдая стороне.
Прямо горе, что ты заперт,
Чтобы пусто было мне...

Глаза раскрыты настежь,
Ты немощен и чей?
Тебе доступно счастье,
Обман его очей.
Немая гласа сила,
Забота бога, знай!
Но близко скорбь и милость,
И тьма, и белизна.
Но дня скупая жалость
И скуки не снести.
Но беды залежались,
Но вышли стежки в стих.
Но выла приживалка,
Смеясь у тьмы слепой...
Но ужас отзывался,
Счастливою судьбой.

Когда в небеса поднимается дым,
Когда начинается засуха в небе,
Тогда забирается к людям седым
Земная тоска и небесная небыль.
Тогда и дымится в тумане очей
Одна поволока души, вероятно.
Тогда, словно копии дней и ночей,
В бессоннице памяти страхи роятся.
Тогда неприятны и плохи дела,
И звезды желты, что сосуды из тыквы.
И влажно в тебя опускается мгла,
И слабое сердце плетется по стыкам...

И дух полынью истомится,
И боль проснется в животе.
И в пенье выдохнется птица,
И враг уймется в темноте.
И ты швырнешь истошно камень,
И свысока сорвешься в синь...
И задохнутся: жизнь и пламень,
И смерти горькая полынь...

Восторгайся – мастерство –
Тем эпитетом и сходным,
И люби же естество,
Озорство и как угодно.
Чем ни возраста тоска –
Чем не мифы поединка?
В свете ты меня таскай –
Рви за пряди, да иди-ка!
В числа, в прочую цифирь,
Бейся в притче неудачи,
Воззирая за эфир,
Хохоча безумно в плаче...

Не рассвет еще целинный
Но курган вдали былинный,
А на нем чело зари.
У восхода тенью длинной,
Тайна коротко гори.
Полыхни, касайся слуха,
Задыхайся мглою глухо,
Но курган искрится мне.
Но заря, шепчу на ухо
Жизни – мертвой целине...

Нечаянно ты власяницу надень
И тихо прославь ее имя подвигом.
Ночами бреди, наступая на день,
На скорую вечность унылости мигом.
Иди же на звезды, холодные пусть,
В горячие дни, за глухие дороги,
В немые потемки, в молчание уст,
В надежды последние, даже в пророки...

Кто смятению подвергся,
Кто раздумчивый, вдали,
Болью медленною сердца,
В тверди слышался земли?
Кто влиятельно окликнул
Изнутри – раздумье прочь?
Кто без образа и лика
Обратился снова в ночь?
Кто возлюбленную трогал,
Страстью ложно тормоша?
Что она сказала строго,
Что промолвила душа?

И точно душевный напиток,
У сердца закапала жалость...
А то, что скрывала ракета,
К закату тревожно прижалось.
А то, что тревога гвоздила,
Надежные скрыли запоры.
На то и осенняя сила –
О том и душевные споры...

Какая-то кленовая,
Навязчивая ветвь
И старая, и новая,
И тьма она, и свет.
А ты ее указывай,
А ты словами льсти,
Хотя и долговязая,
Хотя одни листы.
Но тьма ее живительна,
Ее докучна сень,
Хотя и удивительна,
Хотя унылый день...

Счастье по-детски планируй,
Больно-то горе не трать
И не кручинься по миру,
Кутая холодно страсть.
И не смотри, что ты странен,
Не по-людски ты лихой...
И не сотри у страданий
Дни покаянья грехов...

В тени полыни у застав,
На стыке зрелого крушенья,
Меня забытья не заставь,
Но приближай мне обращенье.
И гордеца времен ума,
Веди в безумные эпохи
И горе шли на терема,
И тьму на светлые дороги.
Но дождь и ровная теплынь –
В тени застав, однако, зрелых...
И забытья – трава полынь,
И стоны мыслей обгорелых...

Ты, до низости охотник,
Снова крался в вышину,
Ближе к цели все охотней,
Пьяно радовался сну.
Сны вершили и вещали,
И рои летали мух,
И троили у крещальни
Лики праведные мук...

Уведи дитя потехой,
Мотивацией пути,
Убеди же, смех-то смехом,
Что трясина впереди.
И беда дорог обычно,
Что Россия, не ясна
И пинается, набычась,
А у чадушки весна.
А тщедушному дитяти
Теребиться полверсты.
У воды старайся, кстати,
Ближе к сердцу отвести...

За темнотою тьмы равнина,
Окно, побитое ветрами.
За тем и ты гляди ревниво,
Люби ревнивыми мирами.
За темы страсти не покоя,
За тем и ревностью не плача.
За смех и страх, и все такое,
В окне любви обличье пряча.
Ветрами ревности переча,
Любовью миру отвечая,
Тревожной искренностью речи,
Спокойной холодностью чая.
На плач искрящегося ливня,
Смеясь ужасно и помпезно,
Играя лирикою лирно,
Любя ревниво и небесно.

На этом источнике сухо –
Начало весенней грозы...
Рассвет отзывается в ухо –
Плетется у самой лозы.
Но, кажется, это косули,
Возможно, пристанище птиц...
Но катится зарево улиц,
И дерево валится ниц.
И грозная молния влажно
По роду несется, блеснув.
А лозы качаются важно,
Встречая полвека весну...
Пути навсегда оплетая,
Возможности сердца сгубив...
А тайна истока святая
Легенды плетет о любви...

Судьбе предлагая пари,
Семье возвращая надежду,
Во мгле сновиденья пари,
Играя по жизни невежду.
Слагая у сердца персты,
Не жаждай земного престола.
Однажды прими и прости,
Себя полюби, не простого.
Однако и бога зови,
Хотя бы и с помощью знака,
Креститься в полымя любви,
В язычество, веря, однако...

Не мелькнет ли кто-то вражий,
Не нарушит ли покой?
Не падет ли, словно бражник,
Конник ратный за рекой?
Не сомкнутся ли надолго
Милой Родины уста?
Не придуманы ли толки,
Не страшна ли пустота?
Хоть и счастье в каждой пяди,
И спокойствие кругом...
Хоть и горе, бога ради,
В чем-то прячется другом...

Словно тучной мглы пловец,
Бередя дождей излучины,
Ты касаешься словес,
Свет обманывая тучами.
И плывешь, узрев огни,
Страсти спят, ужели пожили?
Но туманы криво гни,
Чтобы ровно страсти – божии.
Чтобы верхние дела
Не смущали мои доводы,
Чтобы ты еще была,
Невдали спешила по воду.
За туманы шла, за высь –
По любви негоже плакаться –
Задушевна эта мысль,
А иное-то не благостно...

Небо мира мне докучно,
Ни любви, души сестра...
Мне бы вырваться за кущи,
Да в мышленье вовсе страх.
Да в сужденье вовсе дико,
Не стихи даются мне,
А любви моей владыка
Струны трогает в окне.
И, выплясывая мило,
Веселится до зари,
В темной части древа мира,
Страстью небо озарив.

В ожиданье новой встречи,
Ты живи и обитай...
В луже звезды, словно свечи,
Отрази легко вода.
Окати и красноталом,
Хоть и веточкой его,
Осветли мою усталость,
Хоть и темной синевой.
Хоть и светлой дымкой чая –
Солнце, полное лучей.
Хоть и душу поучая,
Страстью тихую речей.

Всего одно желание –
Шаманское камлание –
Волшба меня возьми,
С восьми утра и сковывай,
В соцветье лепестковое,
Пяти перстов жасмин.
Снеси в славяне южные,
В жасмины юга вьюжные,
В цветы пяти долей,
На долю не шаманскую,
В судьбу мою славянскую,
Жасминов и полей...

Пурга разносится давно,
Мое распахнуто окно,
В ее завидную объемность.
В ее явление с утра,
Ложатся плотные ветра,
Сдувая сердца неумность.
А беспокойная душа,
Едва страстями вороша,
Не видя выхода, все молит:
О счастье, кажется, людей,
Шепча: « Душа не охладей»
И задыхается у боли...

На свечение в тиши,
Что же злишься ты при Боге?
На чело его дыши,
У прохлады на припеке.
На задумку и тоску,
Доли смертной покровитель,
На сову, а та: «Ку-ку»
И ни слова про обитель:
Что истерты письмена,
Что судьба глядится роком,
Что сверчок из-за меня,
Тьму, перча, резвится с богом...

Кроме внутреннего страха,
В свете утреннего мрака,
Трепетала песня птаха.
Кроме солнца и начала,
В песне медленно звучало
Слово светлое ночами.
Порождая добродетель,
Мраки радостные эти,
Уходя к рассвету в дети.
В месяц полдня, в солнце ночи –
Внуку – правнуку, короче,
К милой в солнечные очи...

Тебя захватываю в плен,
Тебя укатываю в лень,
Претензий сваливаю тлен,
Шумлю для общего порядка.
Люблю и ненавистью вру,
И ненавижу ту игру,
И не любя, тебя беру,
Слова любви воркую гадко.
И лгу, и лгу, обмана звук,
Невидный враг, а с виду друг,
Кружу неверностью вокруг,
Живу нечестности в угоду.
У самое себя устав,
Ложь источаю на на уста,
Мешаю честь и тот же страх,
А сверху лью живую воду...

А за кустами – ни шатко, ни валко –
Дело – дыра и сиротское место.
Чувство сиротства, что тайная палка,
Бьется значительно и незаметно.
И ни за грош, ни за деньги-то губит,
Семя крапивное сея рукою.
И очевидно и, кажется, в губы,
Страсти лихие целуют, изгой.
И появляются рослые стати,
И теребятся кустистые брови.
И проявляются, как же некстати,
Лики сиротские – знаки по крови...

Обманчивая брэнность –
Томленье в левый бок.
Изменчивая ревность –
О верности, мой бог.
О чувстве умиленья,
Но мысли поворот –
О новом измеренье,
О жизни, что не врет.
О сне ее здоровом,
О счастье, что по дню,
До старости суровой,
Несется по огню...

Не топчи судьбу ногами,
Не темни же гамму лет,
За туземными богами,
Твой хранится амулет.
Твой поклон таится низкий –
Всей возни твоей удел,
Песня строчки сатурнийской,
Про исполненность идей.
Про твое прозренья неба –
О тебе родной народ
И про то, что в поле хлеба –
Прошлогодний недород...

Сборки леса тяжелы,
Твоя речь обычно горькая...
Полыхая той же сборкою,
Ты, любовь моя, шали.
Ты беги в соборный лес,
Со своей обидой личной,
Речью ревности типичною,
Оплетая мою лесь.
И в окне саму метель,
И мои дела нечистые –
В глубину любви ручьистую,
За молящуюся ель.

Подвески, текущие в плечи,
Сплетение в виде змеи...
Туника, мерцающая далече,
В плащи заберется твои.
Во все сожаление красок –
Во все дорогие черты,
Но ты не появишься сразу –
Любимая женщина ты.
В мерцании верхней одежды,
У тронного зала, бог мой,
Подвески вонзятся в надежды,
Змеиной своей головой.

Горячие губы целуйте персты,
До нового года не больше версты.
Не более века до счастья всего,
Не менее жизни пути твоего.
Изменчивой сути, духовности дня –
Любви – постоянности возле меня.
Горячие губы целуйте персты,
До нового года не больше версты.

Крикну призраку вослед,
Точно призрачной строкой,
Проясня дымку лет,
Уточняя, кто такой?
Эхо вымолвит, иди,
Шевельнется жизни сень,
А за дымкой впереди,
Дни забьются о плетень.
Перевьются смех и плач,
Крикну призраку, домой!
Гляну, времени палач,
Да с удавкой-тесьюмой...

Все ли доука любви зелена,
Все ли темно у любовного света?
Скорбное место – почти белена,
Радости глупая вроде примета.
Скорая скука, пойми и прости,
Чувство судьбы расстилайся положе.
Все ли доука любви на пути,
Все ли простынка кровава на ложе?
Весело ли забираться в места,
Всюду склонятся доукою веток?
То и дано, что о скорби свистать,
То ли темно у любовного света?

Пламя сердечное, мглой опоясав,
Ночью являются, словно упрек,
Думы не легкие, что же бояться,
Если любви ты к себе не сберег.
Если несешься ее ипостасью,
Но вместо севера видится юг,
Если пытаешься с грустью расстаться,
Но только думы – по душу мою...
И только те, что еще коренастей,
Южную кровью прохладно дрожа,
Хриплою дверью, распахнутой настезь,
Бьются в тебе дорогая душа.

Брезгливость утомления –
Смятение лица...
В дымы запавши, в тление,
Судьбу не порицай.
В чаду страстей иссушенных,
Узри цветную гниль.
Иди, голодный, к ужину,
На блюдо, знай же, пыль.
Супы – толпа ревушая,
Гарниры – ночи мрак,
Молчанье речи сущее,
Неистовости страх.
И бремя непокорности,
И быть уже седым...
Но пламя вспыхни вскорости,
На тление и дым.

Где небо зовется землею,
Где страсти и скуки стада,
Где лето унылою мглою
Плетется к зиме навсегда,
Там ясно у страсти небесной
И жутко у мертвой реки.
Там умные слышатся песни
И глупости юной тоски.
И жены неверные манят,
Пророча, что грех объясним,
Что счастье любви – на обмане,
А горе, не мучайся с ним...

И поверх одна жилетка,
И скажи другим о том.
Чтобы жили страсти лета,
Возводи душевно дом.
Чтобы стены – на столетья,
А в жилетке-то легко.
Чтобы сбыться в часу третьем,
Опрокинь же молоко.
И швырни жилетку тоже,
И броди еще вокруг,
И жалея себя, итожа,
И прости себя, мой друг...

Кто, лозы сминая свет,
Мчится, тайну не храня?
Кто в ночи на склоне лет
В горе радуется дня?
Кто, не друг, не враг, ничей,
Кто смеется наискось?
Кто в течение ночей
Изъявляется, не гость?
Кто, родимец ли, чужой,
У лозы, на склоне дней,
Кто смеется за душой,
Потешается за ней?

Сердце, что выжатый тюбик,
Сжатое сердце, не боле...
Кто тебя сердце не любит –
Та и не видится в поле.
Та изменяет, известно,
Та и смеется напрасно.
Сердце стучится отвесно –
Так и сжимается разное.
В серое чувство тревожно,
В борозды боли натужной.
В горе любви невозможной,
В счастье тревоги ненужной...

В яслях окликаются овцы,
Лаврений скрывается в овсы,
Тревожно душе почему? –
Спокойная вроде идея,
Устроиться против Авдея,
Придя на закате в корчму.
Впридачу дочурку посватать,
Хмельно столкнуться и свято,
И выпив немного еще.
Взирая к утру на малину,
Красавицу звать Акулину –
Дочурку держа за плечо.
За овсы идти у ракиты,
Крича что-то ей про Никиту,
Мурлыча и про сватовство...
Про то, мои прадеды рода,
Про то, моя бабушка, годы,
За то, дед, и мне рождество.

Но где священный камень икс?
Ты отыщи его у кратера.
Им, осеняя, помяни
Мои черты – того характера.
Его и камнем очерти,
Упомни старые обычаи –
Того характера черты,
Его причуды необычные.
Легенды те – семи колен
И просветление не видное,
И трудолюбие, и лень,
И время осени завидное.

Дни былые – головешки –
Подымили на прощанье,
Сердцу что-то возвещая,
Закружили высью вешней.
Полегли поверху мамы,
Затуманили прощенье,
Прошепчя не наущенье,
Сея прошлое слоями...

Ласкай в руке листву
И ласковую просинь,
И пробуй синеву,
И радуйся же, осень!
А блеклою весной,
На глинах и раскатах,
Спускайся же, родной,
К забвению у хаты...

Позже вырвешься в модерне –
Заберешься за века,
Затеряешься у терний,
Обратишься в облака.
И покатишься вдоль окон,
В мою умственную чушь,
Выставляя модно локон,
Оживляя сердца глушь.

Зачни во сне живейший стих,
Уйди в среду людей воскресших,
Живи, оплакивая их,
Живую рифмою острейшей.
И помни скуку их имен,
И не кричи на жизнь, известно,
Что живо сонный стих умен,
Что громче сна немая песня...

По судьбе тебе потворствуй
Скука певчая ума...
С тем у честности притворства,
По стезе скользи холма.
С тем и странствуй, образ бедный,
Бейся гордостью в крыльцо,
С тем и кайся в ступе медной,
Озаренье на лицо.
С тем и пой на всю округу,
С тем и плачься у хлебов...
Разве Лазарю и другу,
Причитается любовь?
Грязно Лазарю в рогоже,
Грустно плачется ему,
В нищете ее роскошеств,
В песне глупому уму...

Небесная ведьма летает у крыши,
Плетется дождя троекратное вервие,
А мне б у земли оторваться неслышно,
А мне б одолеть притяженья неверие.
А мне бы у ведьмы – в кресте перекрестка,
На трапезе общей дождей отлетающих,
А мне бы назваться обычно и просто,
Но вера безверная – смута мне та еще.
Но рощею предка – я думаю вчерне –
Прочь умная ведьма, а мы окрещенные.
Дождинки распущены к тайне вечера,
А мне-то пора в словеса запрещенные.
А мнимая ведьма касается неба,
А с крыши дожди настоящие падают...
А мне бы уткнуться в словесную небыль,
А мне бы еще и насытиться падалью...

Кривое смятенье пропорций –
Земли молодые пропойцы,
И каждый о древо оперся.
И всякий, что древо жизни,
Похоже, что деревце тризны –
Кривые осины Отчизны.
И каждый, но думой не парься,
По поводу пьяного старца,
Про то, что один и остался.
Про то у зимы одинокой,
Шепчи и осине немного,
И криво ведущей дороге...

И сонная тьма безобразий,
И скука в оправе – иной.
И страшные темы фантазий,
И ты – к освещенью спиной.
И странная – по небу – роспись,
И видится будто – Плутарх?
И сонная вроде и просьба,
И слышится: где ты плутал?

В обычной ветренности веток –
Тревога сердца и покой,
И ощущение рассвета,
И снег искрится за рукой.
И бережутся жизни чувства,
И леденятся страсти выюг...
В обычной ветренности пусто,
А на закате жутко, друг.
И краски осени не гоже
В эпоху зимнюю нести,
И все тепло зимы – на коже,
А в ощущении – не стих...

В сыне месяца и солнца
И мои видны черты,
И моя, и жизни сольца,
Хоть и копию черти.
Хоть и соль, и смерти сахар –
Возрастное тленье дум...
И вдали ты тихий пахарь,
А вблизи дитяти шум.
А в глазах луны сиянье,
Но темно у солнца лишь,
Хоть и к смеху постоянно,
Скорбно тянешься, малыш...

Темнота, однако, птица,
Тьма, однако же, светла.
Почему же снова снится
Жизни медленная мгла.
Почему прозрачны блики,
Силы эти – холода.
Отчего же эти лики,
Леденятся, что слюда?
Непонятны тени эти,
Водяные, что дожди,
Вьются птицами на свете,
В темноте их и дождись.
Жги им огненное пламя
И лети за ними прочь:
Темноту светло и прямо –
Мглу рассветную пророчь...

Я клик источаю победно
И раннюю трогаю тишь...
А ты на распятии медном,
Во тьме, просветляя, стоишь.
И бьешься, фигурка фаянса,
И шепчешь у края земли:
Что мне не победы бояться
Что смерти не видно вдали...

Напуская порчу, знай –
Мысли злы и примитивны.
Ты лишаешься-то сна,
Зачинаешься, что тина.
А во тьме ее тупой,
У бессонницы в зарнице,
Помня мысли злые, пой,
Но пускай все это снится.
И по доброму-то злясь,
В двязычье яви сонной,
С белой лошади-то слазь,
В тину падая резонно...

Я подамся в пустынники там,
Создавая полезные вещи...
Много позже в ученье зловещем,
Я пустынному миру воздам.
На куски его страшно мельча
И кромсая пустынные тени,
Я унижу высокие темы,
Я шатну мирозданье, смельчак.
Я шагну, закружится листва,
Нагрешу я, мне каяться круче.
Закричу я, стекая за тучи,
Уходя в старики, в существа...

Явиться песочнице рано,
Людей у подъезда смутить,
Катиться по улице странно,
В конце заблудиться пути.
А после вдали отыскаться,
И плакаться, падая ниц,
Светля черноземы акаций,
Темня просветление птиц.
Смущая обжитое место,
Осыпаться в мелкий песок,
Слепя стариков у подъезда,
У лавочки наискосок...

В небеса как бы распахнутый,
Ты судьбы извечный воин –
У течения промоин,
В борозде у свежей пахоты.
Подпоясанный ты вервием,
Скрытый складками косыми,
О любви грустишь, о сыне,
Запахнув извне неверие...

За лесные пустыри,
Тишину приотвори,
Отыщи тропу по чину.
А звериные комли
Взором умственно кольни,
Усмири свою кручину.
И печалься, не смешно,
Что не умно сведено,
Человечное и зверство.
И мертвеющая тишь
И живительная дичь,
Главное, не разуверься.
В пустыри иди, в леса –
В затворенные глаза,
В не прощение обиды.
Тишину тропы другой,
Отыщи, мой дорогой,
Для значения, для вида...

Море по виду прямое,
Круглое, полное, зрячее,
Грязну, а море-то моет,
Грязи свергая горячие.
Брызгаю, море согласно,
Пестую то, что не издано.
Дрязги топлю без огласки,
Сердце волную неистово.
Прямо округлое море –
Пряное счастье не видное.
Плачу, а горе немое
И безответно обидное...

Гляди, в гущине камыша,
Крошится, летя, позолота.
Ползучая чья-то душа
Рождается в глуби болота.
Кусачую тварь окропи,
Тряхни хорошо, не ругая,
За гущу бросая крапив,
Кружа по запруде кругами.
Не чувствуя сердце внизу,
Рождение боли изведав...
Смотри же, попался грызун,
Испуганно бьется у веток...

Выше неба не взлететь,
Ярче мастера не грянуть,
Разве в образе детей,
Разве что, шая багряно,
Разве что, летя в дыму,
Исходя уже летально,
Вышине служба, уму,
В духе чувственно летая.
Помня с предками родство,
Отведя вершины ветер,
Окуная мастерство,
В травы выжженные эти.
Веселясь, аки дитя,
У подножья – у начала,
Скучно по небу летя,
В скуке мастера печалюсь...

По любви смятенье вызнала
Ты, крылатая жена.
Полагала ты, что сызнова,
Мне страданье пожинать.
По любви струясь изветами,
Растирая зерна лжи,
В нелюбви муку несветлую,
В муку горькую души...

За светлое реченье,
За суетность уму –
Смирненное почтение,
Кому же, не пойму?
И чья тиха известность,
И чьи светлы лета,
И чувственные песни,
И жажда полетать?
И что за пламя мрака,
И тление огня –
И что за сила страха,
У гордого меня?

Мы местные ваганты –
Мы и шарфы игривы.
Мы пьяные, а гривы,
Что яшень-то гигантский.
А ствол его источен,
Что нищенское платье.
А мы ваганты братья,
Пьяны мы, да не очень.
А мы щедры на деньги,
На радости и смуты...
Мы в горе почему-то –
В счастливом убежденье...

Смиренные сельчане
Дерзили мне не грубо:
Что все река мельчала,
Что страсти стыли губы.
Что вышло время странствий,
Что скучно и не вести...
Еще шептали «Здравствуй!»
Прохожие все вместе.
Еще в доукуе спора,
Мечтали о веселье,
Конечно, в правде горя,
Ни разу не присели...

Ты крути покосы в скрутку
И вяжи поля перстами.
Ты прими себя за шутку,
Дни серьезные листая.
И засмейся, дня не слыша,
И рыдай же на солому,
Травы горькие колыша,
Сладко падая в изломе...

По весне послужи камышам,
Рассуждая у края Отчизны.
По осеннему долго мешай
Послушание гордостью жизни.
И не шумно молчи о шумах,
И невольно задумайся следом,
О разладе души и ума,
О любви, что дана напоследок...

Дума радости морская,
Суета моя мирская
И стихии чисто высь...
Утихай строка волнами,
Усмиряй чело в панаме,
Улетай куда-то мысль.
Уноси меня коварно,
Гениально и бездарно,
В море горькою водой,
На края панамы лживо,
В глуби щедрые поживы,
В думы чести молодой...

До чего слова скучны,
Словно ненависть в изгнанье...
Кочевую мглу качни,
У оседлого призванья.
Разгуляйся широко,
Забурли душа седая,
О любви – любви рекой,
О молве – молва худая.
И кочуя прямо ввысь,
И мерцая силуэтом,
Поздней страстью отзовись,
Ранней ненавистью этой.

У сени можжевельника –
У края бытия –
В обители отшельника
Живу, мертвея, я.
По жизни мне предписаны
И в каждом, ясно, дне:
Тюрьма, сума да истина,
И кривда, да не мне.
И сны не мне кровавые,
И ужасы вдали,
И ты, да не за травами,
На краешке земли...

Разве нелепость излома
Сердца и умысла злого
Тянется тайно у дома,
Это ли мне незнакомо?
Это условно, читатель –
Это старение стати,
Немощь у плоти и, кстати,
Духа начало, мечтатель.
Контурные ясные неба –
Запахи вечные хлеба.
Свет, но прозрение слепо,
Разве все это нелепо?

Это темные знамена
И не ясное поверье...
Это лики поименно –
Это предки там у двери.
Это света, верно, лица –
Это тьмы знаменья скоро.
Это мне в уме двоится –
Это мне за непокорность...

И чтил языческий гадатель
Твои слова и дни по дате,
И речи полную молву.
И по макушку мысли были,
И ты во тьме, холодный ты ли,
Во сне валился на листву.
И покрывался грязью жидкой,
А покрывало жгли пожитки,
Слова мерцали, годы чтя.
А даты давние дымили,
Во всю языческую милость,
В твое явление, дитя...

Бросайте перья, вороны,
В символику словес,
Летите во все стороны –
Крыла наперевес.
Листву кружите деревья,
Тревожную игрой...
А мне перо вымеривай,
А мне тревогу скрой.
А мне прощенье вымоли –
Такая кутерьма...
А то смени на символы
Отсутствие ума.
А то крылами тесными,
Роняя по перу,
Служи свободной честности –
Свободе, не двору...

Безобразно в духоте,
А чего же ты хотел,
Глядя в скуку линий провода?
Слыша неба тишину,
Видя в мареве жену,
Убивая дланью овода.
Отрясая прах его,
На тропинке полевой,
Предпочтя однообразие.
Озирая курослеп,
Как-то сразу повзрослев,
Видя жизни безобразие.

Затем у несчастья и корчусь,
Что радости я не обучен...
Затем и снимите мне порчу –
Пошлите дождливые тучи.
Затем и небесные воды
Обвейте тепло пеленами...
Затем и печальные годы
Летите счастливыми снами...

Я крепко связанный в былье,
Мой тип искрится измышленья.
Будто на чистое белье,
Словами льется сожаленье.
И растекается в строку,
И платье, выпачкав изрядно,
Искрится, собственно, в соку,
Что сердцу, видимо, приятно.
Что в те – былые времена,
Как бы владычествуя в скорби,
Мой тип искрится у меня,
По очевидности и вскоре...

В твоей судьбе не прокаженной,
В бессонной радости зари –
Раздумья долгие о женах,
Любви короткие дары.
И забытьё, и мысль о смысле –
О сути жизненной во мгле.
Ты оттого ли сонно взмылен,
Копая овощи в золе?
И оттого ль убоги яства
И сон, его-то не держись?
Но просыпайся, что бояться,
Но прозревай, все это жизнь!

Ты, рыбак, сиди у неба,
Дымку дня не нарушай.
Ты гляди на утлый невод,
Но прислушайся, душа:
Словно таинство причины,
Бьется, глуби серебра,
Словно рыбою пучины,
Вьется страстью рыбаля.
Словно жизни окончанье –
Море дымкою слепой...
Словно новое звучанье –
Слова вечного «любовь...»

Тайного чувства небесного
Просит усталая грудь,
Чуда еще неизвестного,
Но окликается грусть.
Но по судьбе исключительно,
Все к одному сведено:
К духу упадка мучительно,
В то, что ты есть одинок.
В те же оттенки – закатами,
В то же сиянье лучей,
В то же унынье за хатами,
Тихо журчащих речей.

Мне плакаться тихо в лучи,
В шелка пеленаться рассвета.
Звонящие странно ключи –
Собачий ошейник у веток.
А цепи у мглы закутка –
Томление мифа, наверно.
А думы смогу ли заткать,
К заре – на полставни примерно?

И слова, что те реликты,
И что притчи те забавны.
Словно окрик из-за бани,
Словно крик из-за калитки.
Слова голос изможденный –
Мамы мнение частично...
В те слова, хотя не птичьи,
Сдайся, но непобеждено.
В притчи те – во славу слова,
По концепции Писанья...
Те слова – судьбы касанье,
Мненье мамы безусловно...

Опасней льва крылатого,
Таинственнее символа,
Ужасней лика демона,
Отшельничества злей.
Темней чела гибридного,
Запутанней геральдики,
Но стойкостью и твердостью –
По жизни ты смелей.
Спокойною тревогою,
Насмешкой издевательской,
Туманом историческим,
В поэтике нуды,
В мотиве, но не песенном,
В волненье, но не трепетном,
В истоке, но не высохшем,
Владыка, да не ты.

Древа гнездами помечу,
По уму соединю
И зажгу за ними свечи,
И напомним это дню.
И забуду все к закату,
И пойду я к миражу.
И молву развею в хату,
Где рассею, не скажу.
А рассеянное мненье
В небе скажется звездой.
А черта соединенья
Перевьется на гнездо.
И зачнется жизни древо,
И любви сорвется страсть,
В чувство пламенное слева,
Чтобы сердцу не пропасть.

В принципе – это пора
Песни любимой живучей.
В принципе, песня стара,
Слышали люди певучей.
В принципе, песни любви –
Родственны между собою.
Доброю песней живи,
В принципе – просто судьбою.

На закате золотом,
Строки били долотом,
Золотили ярко литеры,
А страдания-то вытерли –
Скрыли спешкой молодой –
За любовь, однако, выдали.
О смирении потом,
На закате золотом,
Рассуждали, гордо грезили.
Строки те, сказали лекари,
Те, во мне не молодом,
Словно зубы, больно резались.

Стихи разных лет

*И ничего
по существу...*

На вершине мастерства,
Не кружи тебя листва,
Ты и так уныло сгорблен,
И в тебе не столько скорби –
Сколько скорбные слова.
На вершине для души,
Слово скорби-то скажи,
Ты для этого и послан,
Человеческий апостол –
Одиночества души.
Ты лишь этого держись,
На вершине смерть и жизнь.
Опиши, летя листвою,
Что ты бьешься головою,
На вершину опершись...

Родословная

1

Гляди в окно ты, дважды прадед,
Ты мне неведом и незрим.
Лети же, Федор, имя в правде,
Ты именно и пилигрим.
А ты, четырежды праправнук,
Шли пилигриму словеса...
Иди, мой внук, гуди о правде,
Ты голос, логос, голоса.
Ты, Федор, в небе много видишь,
Поведай сыну своему,
А коль Иосиф-то в обиде,
Праправнук плачется ему.
И вправду шлет истошный возглас,
Слова, значительнее нет.
И пряно осенью, промозгло,
Твой рядом сын, ему привет!
Мой дед, по-царски необычный,
Тебе праправнука-то смех.
Блюдя свой род и чтя обычай,
Ты папу видишь-то и всех?

Отец усталый, упокойся,
Глаза у правнука умны.
Зовем его любовно «Бося»,
Он и в меня, еще в иных.

2

Еще скажи, нешумно охнув,
Что Миша, Петя и Семен?
Глядят ли Саша с Леной в окна?
Иные как же, без имен?
Известно мне и, безусловно,
Я поминаю семь колен,
По разрешенью свыше словно,
Смотри сюда, коли не лень.
Почти лихие наши битвы,
Сотри обидчивости слог,
Все ваши дни во внуке виты,
А тени ваши, знайте срок.
Мой дважды прадед, поколенье,
Неповторимое зачав,
Прости времен преодоленье,
И поминай тебя свеча.
И шесть огней в воображенье
Горите медленно в пыли.

Внук, унимая напряжение,
Резвится славно на полу.
Луна в окно глядится строго,
Звезда виднеется светло.
Да в небеса видна дорога,
Сквозь непроглядное стекло...

Где-то и Родина мысленно мечется,
Где-то Отчизна в лесах и степях...
Где, расскажите, родное Отечество,
Но запинается дух у тебя.
Но вспоминается странно и поровну –
Счастье рождения, первые сны...
На ковыли забираешься – здорово
И замираешь у чувства весны.
И рассыпаешься в росы серебряно,
И золотишься в хребте станом...
Вырос, оврагов-то сколько перебрано,
Сколько друзей унесло синевой...
Здесь-то и чувство причастности главное,
Здесь и отечески бьется родник...
Не замути его шествие плавное,
Не подведи уверенье родни.
И не сдавайся, вздыхая по зимнему,
И не теряйся в судьбе до поры...
Но собирайся и мальчику сильному –
Внуку на Родину путь отвори

Мама, выслушай вину,
Упокой меня ко сну.
Мама, тьмы несется вой,
Сны, бичуя бечевой.
Мама, страшно у примет,
Страху долго ли греметь?
Праху долго ли внимать?
Мама где, жива ли мать?

Скуку будней возлюби,
Приведи тщету в упадок.
Вырви вянувший люпин,
У могилы возле сада.
Стебли пыльные любя,
Помяни с любовью прочих.
Вспомни коротко себя,
Забывай себя, короче...

Едва на отливы фронтона,
Спускаются тени темны,
Тоска материнского стона
Доносится из-за стены.
Едва ль отворяются чувства,
Тоску состраданья храня.
Еда поглощается чутко,
И мама глядится в меня.
И, кажется, мама капризна,
И кашицу снова не ест.
И как же тоски укоризна
В отливы впивается, в жечь.
И как же душе моей больно,
И как ощущение вины,
Тоску отрясая невольно,
Доносится из-за стены...

Тело к душе прививай же молитвенно,
Мне без Отчизны-то невоготу:
То камыши веселятся безлиственно,
То непокойно – вдали хохотун.
То залихватское слышится: высеки,
Только камыш-то его и сберег.
Дело житейское – тело на выселки,
Дух и душа – на холме поперек.
Дело пути замоли же, угодница,
Плавно, Отчизна, шепни, роду быть...
В плавни гони меня дурнопогодица,
Тело душевно любя, продуби.
Дело и слово, и прочее крошево,
Тело скрепи, осветли меня мгла...
Вот и душа собрала все хорошее,
Вот и Отчизна в пути сберегла.

В роду и деды, и отцы,
По роду водятся старухи.
И вроде света образцы,
И у потомка крепки руки.
И вроде молвится глагол,
И образцово бьется разум.
И вроде ты и нищ, и гол,
И на душе светлее сразу.
И род смиряется и все ж,
Во тьме разумности и вздора,
В роду и правда есть, и ложь,
И время славы и позора.

Ненавижу, зло бери,
Ни любви, ни счастья хате...
Слезы ранние зари
Из очей окошка катят.
Вздохи искренние, верь,
Ночь изводится нагая.
Стоны ненависти – зверь,
Леденя, жену пугают...

Мои начинаются корни,
Где птице пристало кричать,
Где нивы родные покорны,
Где молвит о счастье греча.
Про сладкое лето в исходе,
Про горечь – одна полынья.
Про страхи, откуда восходят,
Про тени еще воронья.
Где птичьи вещания громки,
Где тихие песни гречи,
Где корни у жизненной кромки
Вонзаются прямо в ключи.
Где сердцу сердиться противно,
Где страсти любимая речь,
Где шепчется птица про диво,
Маня на Отчизну истечь...

Имя-отчество, ни пыли,
Думы, доля, белый свет...
Анатолий, годы выли,
В истечение зим и лет.
Анатолий, мчался, птица,
Дальше неба, выше туч,
То ли думая гордиться,
То ли крикнув, я могуч!
То ли истинно блистали
Ночью солнце, тьмой земля.
То ли счастье – имя дали,
То ли отчество суля...

Глянь же, мамочка, в окно,
Дом колодцем односкатным,
Лебеда, дождя раскаты,
В том и памяти темно.
Глянь в окно, Отчизна мать,
Веселится зыбка гроба.
Слышу, мама, чувство грома,
Воле свойской что внимать?
Грянь усталостью враспloch
И разглядывай, да мало ль?
Из окна не видно, мама,
Кто хорош, а кто-то плох.
Из окна дождей вода,
У окна, гляди-ка, птица...
Не беда, как говорится,
К счастью, только лебеда...

Долго желтое полымя –
Поминание дорог...
Только памятное имя,
Доли пройденный урок.
Только надписи на плитах
И стоялая вода,
Только пламенный напиток –
Под названьем «ерунда».
Только памятью-то тянет
В очи отчие взглянуть.
Только тьма на отчем стане –
Только света видный путь...

Во сне смеется дочка спешно,
В душе смятенье, в сердце стук.
Душа, страдая безутешно,
Ты предназначена кресту.
Хрипи в груди, за что, не ясно,
Ты проживи хотя бы ночь.
Кричи не зло, молчи опасно,
Моли Создателя за дочь.
И в забытье не жди ответа,
Смотри судьбе своей в окно:
В ней ложка кашицы рассвета
И сострадание одно.
И жизни предопределенность,
Ты и душа – во всей красе,
И свет, и дочка удивленность,
И дни осмысленные все...

Это близко – дни пути,
Путевые это записи.
Это пашня приспусти
Свои будущие завязи.
Эта глубже глубина –
Это зримы глуби зримые
И слабее слабина,
И сильней тоска родимая.
В эту землю-то пустись,
Не увязни – вязко в мареве.
Это завязи не птиц –
Это письменности вареве.
Это истина, знаток,
Ни следа ее не издано.
Это близко, как итог –
Это все известно издавна...

Видно, жалкое подворье
Зелено у лопуха...
Видно, пробелью не горе,
А веснушки-то греха.
Видно, мука о прокорме,
Слышно горе, видно плач.
Не жалей слезу на горе,
В лопухи рыданье прячь.
На жилетку – капли скорби,
На подворье стороны...
В старики ты, видно, сгорблен,
Не узнать-то со спины...

У колодца души человеческой,
У холодного сруба и тьмы –
Мне стрелы кочевое увечье
Да унылые ветры зимы.
Да проселка родимые крыши,
До земли обгорелый осот.
Я души заклинание слышу,
И стрелу завыванье несет.
И душа разрывается вдвое,
Окровавленно бьется о свет.
Да крошится гнездо родовое
И колодца-то, в сущности, нет.
Да стучатся сердца аритмично,
Заглушая молчанье и страх.
Да смеются ветра неприлично,
Напоя поцелуи в устах.
Да горьки нелюбимые губы,
Что потрава стрелы кочевой.
Да увечье забытого сруба,
А в душе у души – ничего...

А за прихоть остро чувствовать,
А за жажду чуда чуткого,
Накатила сердца страсть.
Болью больно огорошила,
На луга свела хорошие,
Уняла веселый страх.
Подарила слово лирное,
Унесла на небо мирное,
Обрядила – кисея...
Пряча мысли непокорные,
Небеса смеша упорные,
Красоту Руси вся...

По-людски кричала дверца,
Протекала худо крыша...
Мои предки, в дымке версий,
Пили чай, меня колыша.
У начала родового,
Истекло мое явление.
Не мое кричало слово,
Но мое возникновенье.
У безлюдного отрога,
У беспамятного эха,
После страстного пролога,
После ветренного смеха...

Надо же, грязи на склоне,
Осень пришла, наконец.
Надо же, точно в поклоне,
Ждет у калитки отец.
Надо же, чувствуя нечто,
Страсть ощущению врет.
Надо же, внучка, конечно,
С мамой стоит у ворот.

У места забвения предка,
Создателя счастья и благ,
Всегда ты являешься редко,
Потомок по имени флаг.
И видишься ты между веток,
Прозрачную плотью вдали.
Душа твоя, полная светом,
Ложится не выше земли.
А тень твоя, точно седая,
В низине теряется все ж,
Когда ты безмолвно рыдая,
К отцу состраданье несешь...

Не страхи – настороженно –
Сосны высокий гул...
У сопки растревоженно –
Движенье божье скул.
У сопки предка веянье,
Покой же, Отче, сны,
Но праха дуновение –
Смятение сосны.
Но мрачное речение
Разносится в глуши,
Но странное крещение
Мятущейся души.
За счастье духа вечное,
За новую мораль,
За годы скоротечные,
Но-но, не умирай...

Не дрова резвятся в печке,
Но душа в огне гудит.
Языки в печи, что свечки,
Что страдание в груди.
Что беспмятное детство,
Что родимая земля...
Далеко в огни взглядеться –
То – вдали видны поля.
То вблизи душа худая
Бьется бедная о грудь.
То глава моя седая
И, однако же, не грусть.
И одно любви обличье,
И забытые слова...
Что-то долго в счастье личном,
Разгораются дрова...

Живи со мною долго в браке,
Судьба судьбы, душа души.
Роди мне сына, дочь и страхи,
Не изменяй и не греши.
Роди мне первенца и внука,
Любви душа, судьба пути.
Живую страсть утиши, ну-ка,
Живее в старость отпусти.
На все четыре направленья,
В измену тяжкую греха...
Не разводишься же из-за лени,
Судьба любви, пути река.
Дай наиграться внуку утром,
Дай сну присниться на закат:
Где я к судьбе шагаю мудро,
Где ты ревнуешь из-за хат...

Пытайся подняться на небо,
Скользи по ночному лучу,
У поля тернистого хлеба
И дальше спеши по ручью.
Его подражая теченью,
Его вдохновенье лови,
Доверься судьбы назначенью,
Лети в небеса по любви.
Приемля души очертанье,
Суля процветанье земле...
Твоими влекутся чертами
Суглинки, подобные мгле.
И слезы, что катятся влажно,
В небесное горе судеб,
И поле, что смотрится важно,
И луч, ускользящий в степь.
Подняться на небо пытаясь,
Слегка осветляя чело,
Тебя небесами питая,
Покою земному назло.

Огня новизны не утратив,
Не смерти желая, поверь,
Холодные поздние страсти
Заводят ума круговерть.
Устало плетут измышленья,
По темному снегу любви.
Но сердце холодное в лени,
Но позднее счастье в крови.
Но смертные шепоты кротки,
Но краткое слово уйми...
Огонь обагряй же короткий,
Окликни и будто детьми.
И будто бы внука улыбка –
И в миг отворяется суть.
Но сути бессмертие хрипло
Зовет обязательно в путь.
Но судное воображенья
Кладет упоительно слог,
На холод огня прегрешенья,
На страсти смертельное зло.

В песке у глины, возле рва,
Шагнуть ужасно тяжело,
Цепочку временную рвать,
Взорваться силой не жилой.
И удивительно расти
И лебедой, и осокой,
И обратиться в мира стих,
И вознестись невысоко.
И осмотреться свысока,
И возгордиться, что умен,
И стать глиной у песка,
И жалкой миною времен...

Крик опавшего листа,
Звук изящного глагола.
Только тайна не чиста,
Окончательно и голо.
Только светится исток,
Смысл его непреходящий.
Только год идет и сто,
В листике животворящем.
Только слезы льются – тишь,
Плач уже несется смело.
Только к осени летишь,
Опадая неумело...

Мама смотрится в кого-то,
Пребывая в забытьи:
«Толя, сын, испей компота,
Пообедай до пяти...»
Только речи я не слышу,
Замедляю я ходьбу.
Только все резвятся мышцы,
Прогрызая городьбу.
Только стол еще не прибран –
Это нынче все равно...
Только сны мешая хрипло,
Мама шепчется: «Темно...»
Только горе смерти рядом,
У родимой стороны.
Только жизни тихо – радость
Только скуки бурьяны...

Страсть игры во мне колотится,
Старость ли во мне легка...
Мама, словно богородица,
Все глядит издалека.
Мне шепча мольбою утренней,
Иногда грозя перстом,
Уходя зарею утренней,
В платье ситцево простом.
В переулочки не видные,
За футбольные века,
Помня промахи обидные
И голы – издалека...

Кровью полынь обагроя,
Солнце родимого края
Чувство окатит огнем.
Женская будто персона
Чутко вернется спросонья,
Скажет о счастье, о нем.
Сказанное и свершится,
Сонно закружится птица,
В свете счастливого дня.
Темное вроде значенье –
Ненависти изречение –
Чудо любви и огня.
Чувство усталого вида
Не потревожит обида,
Время любви полыхнет,
Сладкою страстью единой,
Немощью скуки рутинной,
Горько в крови полыньей.

А вы, края сосновые,
А ваши руки лапчаты,
А ваши очи – совами,
А вы исстари начаты.
А мы измлада початы,
А мы слепые сызмальства.
А вы, гляди, игольчаты,
Осматривайся, сизо-то.
Оглядывайся, голо-то,
Раздумчиво по краю-то,
Стволы желты, что золото,
А думается праведно:
Что истина у бога-то,
Что возраста парение,
Что годы-бури – покатом,
А ну, мое прозрение!

Зато у крыши лужа,
А в шифере пролом...
Зато и отчий дом,
И сердце бьется, слушай.
Зато оно в груди
Скорбит, еще стена...
За то, что мать больная,
За то еще грусти...

В миры иные птица манит,
В забвенье смерти костяной,
Суля мне счастье на обмане,
Любви и ненависти зной.
Но мира призраки потешны,
Не принимают, увы...
В миры стремится птица спешно,
В морозы зимней синевы.
В легенду духа, у которой
Народы некогда взошли,
В лихие чувства страсти скорой,
Воспоминанья ты не зли.
Мотивы жизни вечной чуя,
Ища бессмертия мотив...
Скажи мне, птица, что хочу я,
Перо крыла твое схватив?
Храня обычай стародавний,
Любя особенности тьмы,
Что сами образы страданий
Мне птицу шлют в конце зимы...

Смелее, ненависти львица –
Всему погибель и гроза,
Спешу надвое разделиться
И существую, и грозя.
И нарушай биенье ритма,
И очевидное все, все...
И не пытайся примириться,
Или закрыться на засов.
Шумя по времени когтисто,
Переменяя жизнь и смерть,
Двоясь, и что-то здесь не чисто,
И существуй, и в это верь.
Суля убить, и это данность,
Поя о гибели хмельно
И свирепея неустанно,
В смиренье гордое одно...

Даже если беглый этот,
Возраст умной глубины,
Обойдя зари рассветом,
Встрепенется у спины.
И зачтется опыт умный,
В глупость яркую души,
То волненья плоти юной –
Несравненно хороши.
Те же сказочные зори,
Та же трепетная страсть...
Но сойдутся на разоре
Седина и чувства власть.
То ли возраста давленье,
Цвета черного сукна...
То ли ревности явленье,
Коли верная жена...

Сверкая прямо на хоругви,
Крестясь иконою на грязь,
Ты удивлялся, что старухи,
Тебя прощали, не таясь.
И что цветастые поддевки
Слепили быстрые ветра.
И что на радостные спевки
Ступала зимняя жара.
И душно трогала за мышки,
Легко брала воротничок,
Тебя легко листала книжкой,
Судьбы забытый дурачок...

В окнах искренне замерзших –
Очень образно душе.
Почему же сердцу горше,
Коли мчится день уже.
Коли в искристости веток,
Жизнь струится впереди...
Коль у сердца до рассвета –
Нелюбимая, гляди...

Учи меня напористо,
Строка твоя убориста –
Ты мудрая сова.
Глаза твои на выкате –
Слова души на выходе,
Ты истинно права.
Учи и бранью плоскою,
Стучи ладонью по столу,
В меня перетекай.
Люби меня безверного,
Любимого, неверного,
Любви еретика...

И больно желание плоть утомила,
И вольные страсти смутили совсем...
И рано вершила небесная милость,
И скоро будильник измучился – семь!
И странно я женщину трогал иную,
И чувство иное, стучали сердца.
И пела душа: и люблю, и ревную,
И образ устало у спальни мерцал...

Уже мелькали отсветы –
Уже мерцали, друг.
Уже признался осень ты,
В раздумчивости вдруг.
Уже ты поздно вечером
Судьбу благодарил,
Блестя лучисто черепом,
В осенние дворы.
Себя стегая прутьями,
Тропу едва браня,
За дни идя запрудами,
За клики воронья...

Все бьется за себя
И лжи, и правды эхо,
И ненависть, любя,
И горе в счастье это.
И в гору все спеша,
Терзается на склоне
Бескровная душа,
Она и к правде клонит.
Она, взбивая кровь,
Она твое спасенье:
И злоба, и любовь,
И смерть, и воскресенье.

Очи и думы скрывая ладонями,
Молча кричу сокровенными стонами,
Слушаю эхо за ставнею спящею...
Тьму озираю, невидную сослепу:
Так и мерещатся чертики, ослики,
Так и тарашатся прищуры вящие.
Так и тревожат извилины разума,
Так и являются помыслы разные,
Думы очами пронзают и строчками,
Зрячие пальцы висками массируя,
Что и не грезятся ослики сырые,
Что и не видятся чертики точками...

Видишься в облике жабы,
Снишься – болото трясин...
Скачешь урывками, я бы
Взял и швырнул тебя в синь.
Я бы шумел, извергая,
Не славословье – хулу.
Звал бы тебя, дорогая,
Жабой, спешащей во мглу.
И ненавидя небесно,
И утверждая земно,
Пел бы: унылая песня –
Жаба-жена, все одно...

В краю, где времечко прошло,
Где все по доброму не зло,
Где худо бедностью снесло,
Где страсти вспыхивали кровель,
Не время злиться на судьбу,
В саду латая городьбу,
Плутая мысленно во лбу,
Грозя родне, желая крови.
И злобу эту не унять,
По краю двигается мать,
Полы прохладные опять,
Больны суставы к непогоде.
Неправда гасится в дому,
И страшно гордому уму,
Что годы мчатся к одному,
В краю, где время на исходе...

Ты вбегала, чисто ангел –
Разволнованные крылья,
Мне светля чело доуки,
Разбивая тьму на счастье.
Ты мела осколки горя,
Дверью хлопая и былью,
Гулко топая стопами,
Изводя судьбу на части.
Ты зарею истекала,
Принимая форму храма,
Ты луной смотрела в небо,
Серебря росу рассвета.
Ты мелькнула на прощанье,
Уходя на солнце прямо,
Унося любви надежду,
По осенней грусти веток...

Все меньше вру себе и прочим,
Все вижу менее обид...
И все же мне влюбиться проще,
И все сложнее не любить.
И все же заживо сгораю,
Не все же масленица, кот...
И все душа не умирая,
И не прощая, злится год.
И ненавистно мне прощенье,
И не легко несется кровь.
И все трепещет ощущение,
Что не кончается любовь...

Снега быстрее – звонче поезда,
Снега врываються напористо,
В любви кружатся молодой.
У круговерти – вьюги полымем
И за ветвями рощи голыми –
Былою страстью золотой.
А поезд острыми колесами,
Срезая страсти безголосые,
Стремится, вея холода.
Где ты, любви снежинка местная,
Где молодая страсть известная,
В любви ты снежной молода.
Ты и нежна, любима, значит,ся,
Ты чувство, что еще не начато,
Ты чистота любви простой.
Тебя снега объяли стаями,
Но времена страданья стаяли,
Журча житейской маятой...

Ты влачи существование,
В дни былые угодив...
Ты отца почти вставанием,
Помяни и уходи.
Ты отца брани, уместно ли,
В жизни медленно бредя.
Окна отчие на местности
Не видать из-за дождя.
И за выемкою – чтоб она –
Ты гляди, не одичай,
У тропинки, что истоптана,
В дни былые по ночам...

.

И вдаль уводит улица
И кажется рекой,
И длится, и сутулится,
И тянется рукой.
Туда, где птица ухает,
Где желтая лоза,
Где мне привычно с мухами –
С мошкой на волосах.
Где мне уютно, стало быть,
Где я вдали иду
И слышу счастья жалобы,
И прочее в саду.
Что улица заботлива
И трудности пути...
Стирай же, мать, исподнее,
Меня за все прости.
Крести мне вслед околицу,
Смотри во все глаза,
Что сын убого молится,
Что катится слеза...

Ты молчи же, занедужив,
Ты живи, страдая суть...
Ты твори и страх, и ужас,
Ты, отец, не обессудь.
Ты учи, меня наметив,
Мне невежество умой:
Не бросайся опрометью,
Думай медленно умом.
У поселка славы вящей,
Подари душе восторг:
Рода образ уходящий –
Возрождения простор...

Покой тревожится с утра,
Чело примеривая рощи,
Где родинками – три двора,
Где родники в траве, заросши.
Где брод, отчизною прослыв,
Темно ложится к дикой вишне.
И мнится родиною слив
Ручей, струящийся неслышно.
Что изнутри – среди отчизн –
Тропинка к берегу родному.
Ты по ручью пройдя, очнись,
В тоске по маминому дому.
Но обрети души покой,
Тревогу выброси за плечи,
Ты сын – у родины такой,
У молодой еще и вечной...

У меня потов – десяток,
Лемех катится, отвал...
И меня лучи усато
Теребят, что сеновал.
У меня и день поломан,
И любовь еще в душе.
У меня во рту солома,
Опоздаю я ужель...
У меня тепла подстилка,
У любви нежна рука...
Пашня, милая, прости-ка,
Ты меня, не старика...

Ты неси меня волна,
Страстью странной ты полна,
На прибрежную пологость,
Ковыли буйны – по локоть
И пыльца, и пелена.
И забытый чей-то кров,
И струится у ветров
Отраженье слюдяное.
Ты снеси меня в иное,
В ковыли – за пыльный ров.
Где волнисто – стороной –
Бьется предок-то волной,
Что врагами разволнован
И меня спасая снова,
Волны ставит-то стеной...

Жаль, что пережеван кисло-сладкий фрукт.
Жалится крыжовник, псы негромко врут.
Жалко в небо воют, подвывая ввысь...
Страстью родovou, дом, установись!
Обели до крыши, стань яснее днем,
Видишь все ты, слышишь, славу-то вернем.
Слабости в отместку, зависти в укор,
Вороти-де месту памяти бугор.
На холме восстанья, выйди на гору,
За тревогу стана полыхни хоругвь.
Заревите толки – псы на сонный сад.
Фрукты втихомолку зрелые висят...

Книга рушится вниз,
Лень ее поднимать.
Слева пыльный карниз
Моеет умная мать.
Мама тихо скользит,
Суетится, шурша...
Вдалеке и вблизи,
Словно чья-то душа.
Словно просится в сад
Милый Саша – пострел.
Книгу ставлю назад,
Сердце бьется острей.
В печке вьется дымок,
На поселке огни...
Мама, боже ты мой,
Ты на небо взгляни.
На листву деревец,
На пустое окно:
Саша там и отец,
И светло, и темно...

Хотя бы греться у мечты,
Терпя тревоги нахлобучку.
Хотя бы в здравии, учти,
Дождаться внука или внучку.
А вот и жизни холода,
А вот и чадушко послушно.
А вот и возраста года,
А в доме все, что сердцу нужно...

Поступь кончины воловья,
Холод и жуть в изголовье,
Перхоть и серый пиджак.
Пекло стекается в жерло,
Белая сонная жертва,
Смерти не слышится шаг.
В смирные дни круговерти
И покаянье, поверьте,
Стой же, усталый старик.
Смерть обращается в хитрость,
Вкрадчивая, будто выдра,
Тенью скользит во дворы.
Теменью путая вещи,
Силу пронзая зловеще,
Медленно тянется в дом.
За душу бьется не броско,
Сердце – последнюю роскошь,
Остро пронзая стыдом...

Пес усилился хвостом,
Кошка выглядела мух.
Мне мечталось о простом,
Мне весна блеснула вдруг.
И возникло чувство в ней,
И шепнуло мне – ура:
Что всего-всего важней –
Мне любовная пора.
И слезы твоей подтек,
И любви моей огни,
И весны живой поток
Возвращали счастья дни.
И питала кошка лень,
Ухо пес еще чесал...
И мечтал я на столе,
До весны за полчаса...

Дымные пропасти,
Снежные, мглистые...
Бдение робости –
Слезы безлистые.
Плачу пугающе:
Раннеосенние
И не снега еще,
Но потрясения!

В часы раздумья тихого,
Накатывай же, свет!
А ты его распихивай,
Где света вовсе нет.
Где годы – до прощения,
Где кайся или режь,
В холодное крещение,
В спасительную брешь...

И дни врассыпную,
Я их обосную,
И стану я в рост.
За мною багрянец
Порою нагрянет,
У края борозд.
И крикну я вволю,
Безлюдному полю,
Сомну зелена,
Лишь умная вечность
И дней скоротечность
Коснутся меня...

И безлюбье теплой хаты
Отогреть-то не могло.
Были ветры угловаты,
Дребезжало-то стекло.
Убегали по раздумью
Мысли прямо у плеча.
Думы печь к утру раздули,
Стала хата горяча.
Да и я немного ожил,
Потеплела и жена,
И оставила тревожно,
Место скорби у окна...

В темноте к ручью идешь,
Примечая правды тишь,
В тишину бросая ложь,
На горенье лжи глядишь.
Размышляя все про огонь,
Что и лжи полны меха,
Бередя ступнями ног,
Гущу пепельного мха.
Живо мысля про житье,
Смыслы трогая во лбу,
Мхи швыряя в бытие,
С клюквой пробуя судьбу.
Грезя ночью у ручья,
Теребя морщины-швы,
Тихо правдою звуча,
В ложной темени листвы...

И в смиренье вовлекаться,
И душе найти семью...
Вечерами у акаций,
Опуститься на скамью.
Жизни приторную сладость,
Горечь овоща стерпев,
И души немую радость
Щедро скупостью пропев.
И шепча еще «спасибо»,
Все за то, что ты была,
Что ты есть и ты красива,
Что и смерть уже мила...

Белою накипью ты засвистел,
Светлою в окна казалась аллея.
Смелой картиною – свиткою тел –
Свита деревьев ужасно аллела.
Но оглянулся закона Творец,
На вечерок угасающий охнул.
Но потянуло полымя с крылец,
Зарево запылало по окнам...

Ни судьбы тебе, ни доли,
Ни женитьбы впереди...
На окрестности у поля,
Ты раздумчиво иди.
Ты по жизни не последний –
Таковая доля есть,
Заплетай нуду на сплетни,
Чувство ненависти – в месть.
Это знать не интересно,
Ты судьбу не вороши,
У молвы красы окрестной,
У смятения души.
В черной дерзости ухабов,
Темной думы и держись:
Ни жены тебе, ни бабы –
Одиночество, не жизнь...

Где у ветра серебрится
Мировая пустота,
Не живет уже царица,
Несравненные уста.
Где в безвременье горячем
Я скорблю, душа небес,
На струении прозрачном,
Ты в ответе мнишься, песнь.
И летя словесно дымом,
Леденишь еще окно...
Отчего-то нелюдимо,
Неспокойно мне и зло.
Отчего-то слышу вести,
Где ты есть и наяву...
Серебри тебя созвездье,
В летяную синеву...

Больно близкая гроза –
Дальней страсти паруса –
Берега одни пустые.
Рвется родины кусок,
Что в песке наискосок,
Что за дюнами густыми.
Что смеется в берегах –
Кто кого оберегай –
Что волнуется прибрежно.
Что за ворог, ну и ну,
Что грозу-то на волну,
Что отчизну вольно режет...

Дана мне роща задарма,
Одна тревоги кутерьма –
Деревья поверху нагие.
Откуда звука высший глас
И скуки утренняя власть,
А страсти в марте никакие.
А страхи снегом уходя,
Готовы вырваться, хотя,
Уснуть у праха утра проще.
Еще глупее по листве,
Вонзиться в мартовский рассвет
И в кутерьму дареной рощи.
Но темноте в глаза не зри,
А по полуночи-то три,
А роща ночью-то святая.
И свято льется после двух
Высокий глас, роняя звук,
И после медленно светает...

Черви да свечение –
Духота вечерняя,
Тьмы и грома грань.
Тема не циничная –
Одиноко-личная –
Дум и духа брань.
Не уйти до боли-то,
Слез – еще бы – пролито,
Проливные дни.
В плесы – громы, молнии,
Черви, влагой полные,
Корчатся одни...

Возраст осенний
Выпорхни в сени,
Пламенных ольх.
Силою крестной,
Думою пресной,
Выплесни боль.
Цветом ольховым,
Сенью пуховой,
За пережат –
Прямо песчанно,
Грустно, печально
Оберегай...

Мхи пружинят у полей,
Мхи выталкивают небо
И скользят стерни белей,
Мимо скошенного хлеба.
Мимо тех – иных существ,
Вьются молнии паучьи.
Веселятся громы в честь,
И на мхи ложатся тучи.
А во мхе – за мхи держись,
А по мне – шагать бы мхами,
На пружинистую жизнь,
Чисто мшистыми веками...

Право, думы – мутно роем –
Растекаются – беда!
Справа марево сырое,
Прямо жизни не видать.
Впрямь у веры сердце глухо,
Одиноко мне в груди.
Больно топчутся по слуху
Тени вечности, гляди.

Я родился-то легко,
На рассвете – далеко.
Полыхали небеса,
Месяц утра нависал.
Закричал я, в день ушел –
Я родился, хорошо!

И убедительно, что Бог,
Источник истинной печали,
Мне исповедался вначале
И заучился назубок.
И жизнь исполнила моя,
Шепча в тоске душевной боли:
Что не мудрее высшей воли,
Слепое счастье бытия...

Усталая и теплая –
Родная мне земля,
По ней родня протопала,
Пыля мои поля.
На ней росли бороду
И возрасту грозя,
Пахали ровно борозды,
А криво-то нельзя.
А то судьба-ретивица
Озlobится во мгле,
А то душа противится
И плачет о земле.
Звучит она предивная,
Что песня птицы той:
Поет она, родимая,
Усталой красотой...

И растворился, тлетворный,
Образ унылого зла,
И появился затворник,
И возгорела зола.
И на кострище названий,
Вспыхнуло марево мест...
Разве что огонь и незванный
Выжил и ныне же есть.
Разве его дерзновенье,
У размышленья устав,
Длится всего-то мгновенье,
Приотворяя уста?

Иду в свое гуляние,
Качаю головой...
На солнечной поляне я,
С небесной синевой.
Тепло душе, устойчиво,
Безбрежно и легко...
Вблизи у дома отчего –
До смерти далеко...

Ты стучи во сне ногами,
Видя сны, во тьме ни зги...
Мнится тишь еще нагая,
На краю твоей тоски.
Снится тьма, да ты не охай,
Тишину во сне любя...
Ты, похоже, бедный, плохо
Любишь умного себя.
И спеша в беду такую,
Ты куда во сне летишь?
И влюбляешься, тоскуя,
Что во сне такая тишь...

И в крови густой орешник,
И кровавый полусвет...
У воды таится вешней
Вопросительный ответ.
Ускользает он, о Боже,
До того он ясно чист,
Что является, похоже,
Нарождая, верно, лист.
От него души смятенье,
Он и мягок и суров,
А дотронешься – виденье,
А проснешься, явно кровь...

Не мало краски у зимы,
Но бледны тени за корягою...
Но ты фантазии уйми,
Следи, что утки в снеге крикают.
Любви им образно плесни,
Узрей, что селезень уносится,
И чувствуй, что крыла весны
Виски томят и переносицу.
Что мнится скуки полынья,
Что немота докучна ворона...
А ты у гвалта воронья
Иди себе в другую сторону.
И в ощущении стони,
Хрусти безжизненной веткою,
Дрожа в унынье полыньи,
Души своей любовью редкою...

Но раннее отмщенье
Твой дух ожесточит,
И с тенями общенье
Откроется в ночи.
И, ранний переросток,
Застыв в тени аллея,
Падешь на перекресток,
Ночной луны белей.
Но ты в несчастье честен,
Ты немощен у лжи,
Ты маешься в бесчестье,
Израненной души.
Но раннее скитанье,
В святилище любви,
Ты с ненавистью втайне
В саду благослови.
Окинь же взором окна
Несбывшихся надежд,
Когда Господне око
Твоих коснется вежд...

Что привнесло обычно свет
Туда, где пес с утра рычит?
Где тьмы как будто бы и нет,
И шумно ищет мать ключи...
А я у боли, сын благой,
И корь из детства помню я...
И мама ласковый глагол
Мне шепчет около, снуя...
Я тихо воду лью в кисель –
То слюдяное озерцо...
Но воротиться бы отсель,
Не теребя судьбы лицо.
И не застать отца врасплох,
И не сломать о спину гнев...
Но лебедою поросло,
Мое предание в окне.

И страсть искрится первобытно,
И серебрится хлебный знак,
И остается любопытство
На чередѣ добра и зла.
И воздается горстью хлеба,
И тишиной у края нив,
И о земле печется небо,
Дожди смиренные склонив.

Посмотри же, льются луны,
Золотя прохладно скит.
Погляди же, образ юный
Беспечально – вечно спит.
Удивись же, дни рыдают,
Слезы прямо на сосне,
А за ними ты, страдалец,
На закате в зыбке-сне.
А за ними в лунной зыби,
Ливни облако трясет
И сосну с луною зыблет,
И печалится с высот...

В шумах одни метели,
В безмолвье – жизни гул...
А ты дитя в постели,
А ты во сне – в снегу...
А счастье беспокоит
И в общих-то чертах.
Дружище, ты рукою
Все крестишься не так.
В глуши еще бранишься,
Что снежная труха.
Что взрослая граница,
У сказки и греха...
Что псы несутся злые,
Что длится псовый грех,
Светля края былые,
В летучий белый снег...

А селенье «Собачевка» –
Имя дали-то в низах –
Веселится, словно челка,
Обними его в слезах.
Помолчи, судьба такая,
Друга Вову помяни...
Суета в ночи мирская
И желтушные огни.
И черты обличий прошлых
Узнаваемы едва ль...
И друзей вдали хороших –
Удручающая даль...

После крепкой браги,
Ты тряхни мошной:
Там и двор и драки,
Там – у тьмы ночной.
Там и беспорядок,
Там и слух, и весть.
И Отчизна рядом,
И о чести песнь.
И тебе в дорожку,
Там открыта дверь.
Ты судьбу сторожно
И люби, и верь...
Ты махни на слухи
И, что слов важней:
И смиренье в духе,
И грехи в мошне...

В царстве тьмы и тьма пуста,
Ни рассвета, ни созвездий...
Раньше славы ты устал,
Прежде времени и вести.
Не терзайся по ночам,
В непроглядном страхе черном,
Ты себя обозначай,
В небе новоиспеченном.
Отыщи себя, не глушь,
Завывая в ветре вышем,
Прежде тьмы крещенской стуж,
Запределья прежде пиршеств...

Ты в ночи озяб и вчерне,
Ты кончину тьме предрек.
Но, любя ожесточенье,
У рассвета ты продрог.
Но стекая в равнодушье,
Уходя в грехи молитв,
Бился в страстное засушье,
Что душа-то не болит...

Мы сложили воедино
Сад и мира середину,
Внука и старушку мать.
Мы и дом белили бежев
И цвели у порубежья,
Чтобы в гости принимать.
Землю-мать и отче небо,
И родню, и поле хлеба,
И рассветные огни.
Чтоб ушли и дни разора
И вселенского позора,
Мы сложили эти дни...

Имею право голоса
И ревностно живу,
А голодно, я колосом
Восстану в синеву.
А если время бедственно
Намерится прибыть,
Имею, соответственно,
Я право для борьбы.
И то спасибо мужеству
И золоту жнивья,
Что я, по преимуществу,
Люблю его, живя.
Что я иду до старости,
До мудрости седин,
В спокойствии – не в ярости,
С Отчизной, не один...

На любовной ипостаси,
Ты безлюбыю дай отпор...
Ты, любовь, еще останься,
Страсти сонные оспорь!
Спой настойчиво и тихо,
До восьми раз упокой...
Осени, любви Владыко,
Вознеси меня рукой...
Я восьми страстей поклонник,
Убери безлюбье тень.
Я восьми сторон паломник,
Я осенний, право, день.
Вдруг, и тьма любви нависни –
Сладкой ненавистью вниз –
Красотой иконописной,
На меня распространись...

Скоро солнце село,
Глас у сердца стих.
Горлинки несмело
Сочиняли стих.
Что ручей в начале –
Звонкий посреди –
Птицы-то журчали,
Кликали: «Иди!»
Звали в звуки мая,
Что заря зарю,
Словно понимая,
Правду говорю...

На крепкий стожишко
И осень спора...
Откуда, скажи-ка,
Смятенья пора?
Покуда досада,
Давай-ка уйдем,
В прогалину сада,
Вослед за дождем.
И вслед за смиреньем,
Где горечь-трава,
Где мудрость-царевна,
Встряхнемся давай!
Где всюду осины,
Где в шутке сольца,
Где стог темно-синий,
Кривее крыльца...

И к утру начну креститься,
В лики зыбкие теней...
Пролетит ночная птица,
Прошумит листва за ней.
От нее пойдут сюжеты
За рассветную светлынь.
От нее займутся жесты,
С тем и чувственно нахлынь!
С тем и встань ты, воли крепче,
Чище пламенной зари,
Осветли ночные речи,
Тем, душа, заговори.
Тьма не прячься за спиною,
За тенистою чертой,
В зыби птицей расписною,
В тишине крещеной той...

И никто не знаменит,
И властительна река-то...
И ничем не заменить
Песнь ее на перекатах.
И ничья открыта дверь,
И ночная бьется птица...
И судьба твоя, поверь,
Ночью можно раздвоиться.
Сутью вырваться в ночи,
На траве забытья брега,
Скуку жизни измягчив,
В реку прыгая с разбега...

Прежде здесь особнячок
На лугу резвился прытко...
Ныне ветхий старичок
Ищет смертного напитка.
Ныне юноша-простак
Рушит общие законы...
Ныне луг-то неспроста
Тенью смертною закован.
Ты бреди у смерти, гость,
Ты забудь одно унынье,
Прежде вырежи-то трость,
Неуместную отныне...

Движешься мало-помалу,
Вот и тебя понесли...
Вот и в реальности алой,
Светом идешь у земли.
Вот и далекая алость,
И непроглядье очей:
Все в лабиринте смешалось,
Все в подземелье лучей.
В них, остывая, твой разум
Тайну реально хранит.
Вот и помалу, и разом,
Мощь твою давит гранит...

Мы адрес искали заветный,
Мы шли, фонарями забыты,
Мы думы скрывали за ветви,
Себя оживляли убито.
Мы слепли у водного вала,
Мы адрес искали свободы.
Мы падали, снова вставали,
Мы стали мудрее на годы.
Мы помнили, чувства полощут,
Мы жили, мы верили в муки...
Мы шли на свободную площадь,
В страну фонарей одноруких...

Есть у пророчества сиянье
И слова нет в его ключе,
А жизни противостоянье
Ложится больно на плече.
И длится, долгое, короче
И не длиннее смерти пусть,
Сияя в истине пророчеств,
И немоту волнуя уст.

А во сне летали руки,
И коснели духи здесь,
И бродили две старухи,
Жили, праведные, днесь.
И кружил еще беспечно
Родовой доуки сонм.
И души алкала вечность,
И бредово длила сон.
А к утру пятно на шее
Мне оставила она...
Ревновала – неужели –
Неревнивая жена.

А в это утро возрождаться,
Страдалец юный, сущий, вам...
И скорби длиться святотатца,
И обращаться существам.
А в это утро крикни бездна,
За то свидетель и Господь.
И заживи любовью бедный,
За то махры ему щепоть.
За то его укройте сонмом,
За то, святой, бояться вам...
А в это утро в поле сонном –
Дни возрожденья существам.
А в это утро злее слизи,
И живы все, ты что хотел?
И все как бы в начале жизни –
Рожденья душ и смерти тел...

Но немощи не было, нет, и не будет,
В краю, где творили начало бесчиний,
В краю, где скорбили обычные люди,
В краю, где за женщину били мужчину.
Но помощи не было даже у неба,
Но серый паук опирался на ноги.
Но хмурый палач, но озябло у снега,
В краю, где для нищего хмура дорога.
Но памяти нет, в бытии однотонно,
Но времени не было, в горечи все мы...
Но ожили вдруг и круги по затонам,
И славно взошло убиенное семя.
И бился паук, палача перегнуло,
А скорбная явь убывала на горище.
И милостью гнулся, скорбя, переулок,
И радости явь оживляла жилище...

У серебрянных озер,
Брошу трепетное чтение.
Разойдутся ветви тенью,
Полыхнет устало взор.
Я, в душе браня жену,
Не одобрю свой поступок.
В глади озера проступит
Лик, играя в тишину.
Он исполнится луной,
Тенью сложится ветвистой,
Снова в чувстве ненавистном,
Насмехнется надо мной...

От юности памятью прошлой,
Меня отделяйте века...
Живу я и мелко и пошло,
Скупее скупая рука.
И алчности ржа постоянна,
И твердые мысли зыбки...
И жизни смешно расстоянье,
И к смерти идти не с руки...

И я между делом,
Про долю свою,
Да чтобы задело,
Завою – спою.
И я не нарочно,
И я вполпьяна,
Заплачу я точно,
Шатнется стена.
За нею-то – нужно –
Ты, брат, устои,
Накинутся дружно
Обиды твои.
Пронзительней ветра,
Покатятся в скат,
Шепча безответно,
Про долю у хат...

И ты пустился в люди,
Идя немного в бок,
Пока тебе на блюде,
Явился самый бог.
И каялся ты ложно –
Все маме на платок,
Что был оплечь уложен,
А папа долотом
Добил-то время, плотник,
Заглядывая внутрь,
Во тьму взирая потно,
А с ним еще и внук.
Еще сестра в косынке,
Чей дух удельно слаб...
Еще негромко: «Сынку»,
Шепнули возле баб...

И все и ничего-то –
Хождение к судьбе...
Иди себе по водам,
Пора уже тебе.
У чаши слыша будто:
В несчастье бьется тот,
Кто свет и тьму попутал,
И все наоборот.
И все легко и ясно,
И ты не одинок.
В далекой думе вязни,
Сминай ее в комок.
В комочек мысли горький,
В добро, что мне милей,
Что шепчет у пригорка:
«Иди, малыш, смелей...»

Взбирался ты в гору,
Согласно мечтанью и ветру впопад...
Безумию впору,
Ты вызвал волненье души – камнепад.
Порывистый ветер
Согласно взбешенной стихии настиг,
И нервно ответил
Кровавый, мягущийся, кажется, стих.
И что-то мятежно,
Согласно бунтарству и сути вразлет,
Гнело под одеждой,
Рвало непокорно сомнения лед.
И таяли скалы,
Согласно природе и свету начал.
И страсти ласкали,
И чувства земные озноб означал.
И гул-то, естествен,
Понесся с вершины и цели вразрез.
Ты вспомнил о детстве,
Когда от волненья открылся порез...

Ты броди себе в угоду,
И готовься ты ко сну....
Не ругайся погоду,
Не брани свою жену.
Обрати себя в мещане,
Размышляй у лозняка,
Чтобы птицы затрещали,
Думы стали возникать.
Чтобы выглянула ссора,
Воротилась бы жена...
И ни славы, ни позора,
Ни жены, ни слов, ни сна.

В твоей груди неслышный гул
Или откашляйся надсадно,
Или спроси, куда бегут
Шумы, бродящие у сада?
И отчего всегда и вновь,
В саду слышна молва худая?
Или последняя любовь
Смеется, в душу западая?

Не ты озяб у тьмы вечерней,
Не ты кончину тьме предрек.
К утру ушло ожесточенье,
А на рассвете ты продрог.
Жуя волнение равнодушно,
Любя смятение молитв,
Шепча, что дух единый нужен,
А сердце так и так болит...

В душе стояли сумерки,
Они легли вокруг,
А к ночи вовсе умерли,
Рассеялись, мой друг.
А позже в сердце русое,
Гроза открыла дверь,
Взметнуло небо грустное,
Бездушное, поверь.
А в небе гром погромывал,
Тревожил до нутра,
А в сердце свет удремывал,
До света, до утра...

Ничего понять не можно,
Вьется дума, словно мошка,
Лет, пожалуй, сорока.
Видно, годиков-то сорок,
Уходящей страсти морок,
Возвещает мне строка?
Но по свойски день рокочет,
Не убьет сороку кочет,
На вечерней гущине...
Ни пророка, ни провидца,
Ни души, как говорится,
Ничего не видно мне...

Мне, томящемуся в чреве,
Мне темно, что за овин:
Прозябать у жизни древа,
Виться ниткой пуповин.
Биться в мамины потемки,
Больше папы-то шумя,
Громко вырваться в потомки,
В горе жизни без ума...

А плоти в бессмертье –
Суровый отказ!
И платье без мерки,
И очи без глаз.
А духу, что ценно,
Едва ли дано:
Всемирная сцена –
Признание, смешно...

Все скрываю сердца склонность,
Все ревную словесам...
Все докучно сплю на склонах,
Все листы срываю сам.
Все храню-то их обычность,
Все дождливей красота,
Все докучливей обычай,
Все бессонней скользота.
Все ищу во мраке мистик
Я бессмертия иглу...
Все храню я мертвый листик,
В душном – утреннем углу...

Стегала страсти, гнала в гору
Шальная сила естества.
Светло пуржила эту пору
Почти осенняя листва.
И день срывался, скоро меркнул,
И тень по солнышку ползла.
Короче, стало ближе к смерти,
К добру любви, к понятию зла.
К тому, что все тщетой прошито,
К тому, что главным-то не стать.
К тому, что в грусти пережитой,
Желанье жить еще до ста.
И плюс еще одно мгновенье,
Чтобы молиться напрямик.
И минус общее знаменье,
И в сумме жизни – ровно миг...

Я убогий, слава богу,
Горе мне – последний я...
И мои худые слоги,
И жена ушла моя.
Но смеяться-то не смейте,
Горе гордости сильней:
Буду первый после смерти,
После смертушки своей...

Землицы мне взять бы,
Для новой усадьбы,
Для вольных садов.
Дерев низкорослых,
Ночей густоросых,
Да вот я седой.
Стена чернобыла,
А помнишь, а было,
Вздыхала сирень.
Семье бы слагаться,
Колючки акаций,
Судьба набекрень.
Холодное ложе,
Былое-то гложет,
В саду лопухи.
А мне бы землицы,
А мне б не озлиться,
Да страсти тихи...

Направо, налево
Овраги – враги,
Убогие древа,
Лужайки наги.
Они за рядами,
Они у лощин:
И тайной преданий,
И кровью мужчин.
Поэтому глуше –
У радуг дуга.
Поэма разлужья
Блится, нага.
Теряется взгорье,
И рушится в луг,
И видится горе
На счастье, мой друг...

О страхе баешь,
Ужель умрешь?
Тебе любая –
Постелью рожь.
А легкий ветер –
Твои черты...
Но по примете,
Живучий ты!
Но в круговерти
И то не ложь,
Не раньше смерти,
Живя, умрешь!

И гордиться не резон-то,
Пыли вскинуты столбы.
Подвели-то горизонты,
Страшно стали на дыбы.
Обратили дымно пугал
И в паслен – через кусты,
Повели в повинный угол,
Процедив, отец, прости...

Будет солнце садиться,
И орало пахать.
Неспокойная птица
Пронесется у хат.
И поднимется в гору,
И мелькнет у межи...
Я увижу ту пору,
Доживу ли, скажи?
Я узрею то чудо,
Я почую в груди,
Я его не забуду,
Я пойму впереди.
Что уму представлялось,
Что забыто уже:
И закатная вялость,
И заря на меже...

Отец культы болючей
Поглаживал рубец...
Гляделся он колюче,
Надломленный отец.
Ища меня, пострела,
Вперяя очи в мать...
А мама не смотрела
И плакала, видать...

Читать, не умолкая,
На жутком языке,
Немому слову каясь,
Любя его в тоске.
Шепча его зловеще,
До жути зля глагол...
И зреть уныло вещи,
Мертвящие окол.
И жить в усталой силе,
В желании читать.
И чтобы дни сквозили,
И чтобы зябла стать.
И чтобы страсти вихри
Легли не высоко,
Зову еще живых я,
Мертвея языком...

И страсти скука дикая,
И кровь ее густа...
И ей кукушка дивная
Кричит из-за куста:
Что ты грешишь по-гордому,
Судьбу свою клянешь,
Что страстью мчишься от дому,
Почти стекая в ложь.
Но здесь преувеличена
Судьба твоя слегка
И доля твоя личная,
И вечная тоска.
И дни свои упрямые,
В полшаге у беды,
Считай себе, прихрамывай,
Но лиха не буди...

Осень-золото,
Жниво светлое,
Завтра холодно,
Нынче ветра нет.
Небо чистое,
Небо кроткое,
Слово вымолви,
Желторотое.
Ныне свет лия,
Завтра дикая,
Осень светлая,
Осень тихая...

В душе по-осеннему пусто,
Душе одиноко в полях...
Мое одиночество густо
Межою осеннею ляг.
Укройся землицей родною,
Поверху лети синева...
А ночью колючей стернею,
Кружите по ветру слова.
За край улетайте родимый,
Спешите в смятенье таком,
Родное осеннее имя
Теряя к утру за дымком...

Бури мгла неси назад,
Вспоминайся отвлеченно:
Дома выбеленый сад,
Тихо кот урчи учено.
Папа мучайся во сне,
Не ругайся мама лучше,
Где сестрица в тишине –
«Буря мглою...» – громко учит...

Далеко ли, хлопче, зазван?
Ты снега, снега вози мне...
Отпусти душевно язва,
Помани меня зазимье.
Там единственный листочек
Думу крепко лихорадит,
А теченье вод источных
Источай мне тихо радость.
И озвучивайся громче
Прожитой далече лишек.
И пои с истока, хлопче,
Горше меда, боли тише...

В бездумии движенья,
В спокойствии земном,
В лежачем положеньи,
Подумай об одном.
О том, что время нижет
Судьбу в крутую вязь.
Что ты склонился ниже,
В смиренье обновясь.
И ты людей беспутно –
Мучительно прости.
Пойми, что всякий путник –
Несчастный на пути.
И что души участие –
Душе несчастной смех...
И все же ровно счастье
Поделено на всех...

У легенды – тайна притчи,
Мой двойник истоки ищет.
Долго бесится опричник,
Говоря бумаге писчей:
Что веду я поединок,
Что гоню войска на площадь.
Что не верю, все едино,
Снова бог и снова плоше.
Что по виду благодати,
Сыплю я в колодцы ядов.
Двойнику-то «Я» отдайте,
Путь-то выпрямите адов...

Отнебесная просинь
И земная краса
Переполнили росы,
Серебря небеса.
И осеннюю прожелть,
И течение словес...
Ты родился и прожил,
Смерти в противовес.
Ты гляделся спросонья,
Невдали за рекой,
На судьбы межсезонье,
Тишине вперекор.
За вечернюю прочернь,
На закатный прищур,
От небесности прочей,
От бесчувствия, чур!

Я в мире тенью не умершею,
Я не уверен, я смущен...
Я и любви еще наверхие,
Исток я радости еще.
Еще моя надежда жаркая –
Душа свободна от вины.
Еще я в мире тенью шаркаю,
Смущая, кажется, иных.
Но чувства возраста суровее,
Они плетутся, навестив...
Я в мире том еще любовью
Могу сегодня зацвести...

На терриконе гремела порода,
Мы голосили у школы, пострелы.
Мамы стояли у водопровода,
Шахта пылила, порода горела.
Крепко чадили высокие трубы –
В небо хотели дымами вонзиться.
Наши шагали отцы – углерубы:
Белые зубы, черные лица.
В шахту спешила вечерняя смена,
Грязно темнела в снегу мостовая.
Мы заползали на уголь умело
И, зачарованные, застывали.
Угольной пылью чернела пороша,
Крепи тащили со склада лесного...
Все это было обычно и ново,
Неповторимо, давно, не киношно...

А часы, идя, устало,
В думу бьются-то одну:
Не добрался сын к вокзалу,
Так и кланяйся окну.
Да смотри, почтовый ящик
И рассветная роса.
Да гляди, поселок спящий,
Сын письмо не написал.
А вблизи-то думе больно,
А вдали-то льется синь...
Слезы мамины невольны,
Что тебе-то спится, сын.

И губ уже известный вкус –
Но я любви еще уместен.
И мы с тобою долго вместе,
И мы в любви остыли пусть.
И мы забыли страсти слов,
И мы убили вдохновенье...
Но все похоже на любовь
И все земно, обыкновенно...

Ума прохлада, вьюга злая,
Добро не сказанное слов...
Зима взметается, пылая,
Чтобы добраться до столов.
Чтобы смести и страсть, и силу,
Чтоб я сорвался в снегопад...
А ты, жена, меня спросила,
Что я рифмую наугад?
Куда лечу я, словно нищий,
По-продувному миражу,
Туда, где кто-то счастье ищет,
Но я тебе не расскажу...

От сего избавь же часа,
Лично плачущей мольбой...
В двуприродности качайся
Боже правый надо мной.
Горделивому мне кротко,
Мне по вере вежи ставь:
Смерти стежкой короткой –
Бесконечной жизнью – в явь...

Еще и не распятого –
Избитого Христа,
С полуночи в полпятого,
Цитирую с листа.
Священное Писание
Туманится к утру...
В свои ль уселся сани я,
Безверный по нутру?

И однажды за ключем,
Ты примчишься в телогрейке
И запнешься за плечом,
И подашься, словно в греки...
Истончится карандаш,
И забудешься ты вовсе...
И однажды – в сердце осень –
Оборвется репортаж...

Ночные – осенние звуки –
Канун осторожного сна...
Деревья берутся за руки
И роща как будто одна.
Как бы паутина прохлады –
Молчание, улиц кресты...
В деревню бы вырваться надо,
Туда, где дороги пусты.
Озябнуть, исполниться ветром,
На воды суглинка ступать...
В какие влечется наветы
Вчерашний уже листопад?
И держится чем-то до вьюги
На иве растрепанный звук...
И чудится дивная fuga,
Звнящего ветра вокруг...

Подморозило суглинок,
Заметелило до боли,
У дороги жизни длинной,
У судьбины среди поля.
У полыни бело-черной,
Замело следы снегами.
По низине золоченой,
Плелся ты за берегами:
В русло высохшей постели,
Что распаханно вкосую,
На безлюдье, где метели
У дороги голосуют...

Спится девочке моей –
Мы бессонно тьму прядем.
Ветер утренний все злей,
Утро вкрадчиво грядет.
В колыбели – в тишине –
Бденье чудо-малыша.
Дочка тянется к жене,
Я немею, не дыша.
Точно счастье день и ночь –
Наша жизнь и бытие...
Точно солнце в мире дочь,
Как мы жили без нее?

Незнакомые шахтеры –
Неизвестные года...
Выше угольные горы –
Ниже талая вода.
Вышины одна рассудность
И низины пыль и власть...
И легко, хотя и трудно,
Устоять и не упасть...

В тридцать восемь призы не нужны –
Больше водка, табак и усталость.
Трижды грустно, когда ни жены,
Ни любви на душе не осталось.
И награды докучливы мне,
И у сердца мне слышится выстрел...
И лечу одиноко во сне,
И в прозрение падаю быстро...

Это дни наискосок –
Эхо смерти – это дядя...
Это катится в песок
Черноземье, смертью глядя.
Это жизни посреди –
Шахты стертые обличья...
Это в памяти найди,
Как бы фото увеличив,

Мне бы влюбленности, осень, –
Лживые страсти твои...
Мне бы в осеннюю просинь –
Счастья любви на двоих.
Мне бы в полночную ересь –
Как одиноко пока –
Мне бы молиться по вере,
Ну, а тебе облака.
Мне бы в ответе туманном –
Ясную тайну причин...
Мне бы любви без обмана,
Тихо, кричи, не кричи...

Темные мысли в желания длятся,
Рвутся поступки, коварны и злы.
Не управляю собою, мне двадцать,
Скор я в решенье, я крепче скалы.
Время течет или, как говорится,
Мелется все в бытовую муку.
Я непременно-то думаю в тридцать,
Как полагается мне на веку.
И постепенно, хотя и не скоро,
Борозды глубже, весомей строка.
Мне на веку исполняется сорок,
Мысли, пожалуй, и нет сорока.
Нет и пятидесяти мне без года...
Мне шестьдесят, но еще без пяти...
Внука рожденье, мне ровно полгода –
Снова светло у начала пути...

Мама медленно мне пишет,
В душу смотрится мою:
Не до жиру, не до пиршеств,
В дальнем – угольно краю.
Надо жить, а зимы снежны,
Уголь дорог, дом велик.
Мама плачется и нежно
Мне жену беречь велит.
Мама время чует остро,
Повествуя не спеша:
И о внуках и о сестрах,
И о чем болит душа.
А метафоры у мамы –
Очи дымные плиты.
А в письме не печки пламя –
Слезы вместо запятых...

Перспектива сливается в точку
И когда приближаешься к ней,
Одиночество мне, одиночке,
Превращается в тройку коней.
То не белые кони безумья,
А лелеемый образ утрат –
Это чувство, что вас увезу я,
Что наполню я сердце с утра.
Что сомненье развею годами,
Что постигну причины измен.
Мои дальние – близкие дамы
Ничего не просите взамен.

Послезимье, предвесенье –
Промежуточный дни
Или посленевезенье,
Или скука, извини...
Или черная безлистность,
И листаешь, и листа...
Или смотришься форсисто,
У безлистного куста.
Или мчишься в передтравье,
За капели, за капе...
Или старость, если прав я,
Или стылая купель.
Или выплеснули чувства
Ожиданье, ожида...
Или сердце стало пусто
И остыло навсегда...

То ли тайная птица,
То ль певучая тишь,
То ли песня струится,
Ты слова-то услышь...
Ты потиху – помалу
Нашепчи тишине:
То ли песню – опалу,
То ли счастье во сне.
Доли – радости ветхой –
Изнутри не сберечь...
То ли песня на ветке,
То ли музыка-речь...

Собака залаяла дряхло,
Вздымая дворовую пыль...
Дождем и бурьяном запахло,
Дорогой, зовущей в быль.
Забегала тощая сука,
Отцова визжала пила...
За памятью резкого звука,
Тишайшая скука была.
А улица наша бродяжья,
Известно, слыла тупиком,
А сука завывала протяжно,
Наутро легла большаком.
Жара ее трогала пьяно,
И марево плыло кустов...
А улица пахла бурьяном
И псовою будкой пустой...

Спи, Богдаша, малышок,
Я тебе пою:
Все на свете хорошо,
Баюшки-баю...
Спи Богдашенька, малыш,
Сладко засыпай...
Что же ты во сне шалишь,
Тише, баю-бай...
Что же трогаешь огни,
Звезды на краю...
Спи, мой маленький, усни,
Баюшки-баю...

P.S.

Знаменье того времени –
Небесная кайма.
И мамочка по бремени –
Усталая сама.
Сама в цветенье матовом,
Местами – мокрый лес...
В тени угла примятого,
Не видно-то крылец.
Одна кайма холщовая
Кружится на скамье.
Да бремя кумачовое,
Да время на кайме.
В тесьме богатой сирости,
В убогости самой.
Меня-то в этой сырости
Не видно за каймой.

Ты лежи, в защелке пряжка,
Ты стирайся о ремни.
Ты молчи, вздыхая тяжко,
Незаметно землю мни.
Забывтье тебе за это –
Слава местная тебе.
Слово светлое поэта,
Но по смерти, хоть убей.

А ну же, тленье истукана
Багряно пенится на синь.
А ну, слезами истекая,
Листвою носится осин.
А ну, искрится Русь уныло
И кровью красит облака.
А ну, крещение не мило,
А ну, жрецы, пока, пока...

Цвети мое селение,
У Бога на краю:
А фрукты – умиление,
На том и я стою.
А то молва не чистая
Селение берет.
Не то сады лучистые
Трясутся в огород.
Ложатся фрукты вежливо,
У края стороны,
В тени ограды бежевой,
На радостные сны.
На край высокий месяца
В краю, в цветенье том...
На то и окна светятся,
Стучите – крайний дом.

Эту тишину не искази –
Эти не напуганы места.
Эта поцелуя красота –
Ложью очевидною вблизи.
Это за реальностью времен –
Ясная обманчивость очей.
Это не молчание речей –
Это наши лики без имен.
Это и стихия на крови –
Это и серьезно, и шутя.
Это о любви моей, дитя –
Это откровение любви...

Узорчатого шелка
Фигурные мотивы
Застыньте, что сычи.
А поясная пряжка,
Года по шву скрепляя,
Терзайся и молчи.
И пробуйся особо
По щиколотку опыт,
По пояс-то года.
А обуви-то мысы,
Вы вздернутые гордо,
Тряситесь иногда.
А ты – круженье шелка,
Годами ты укутан,
Ты живо оживлен.
В рисунке ты у пряжки,
В тени безмолвной склепа –
Бессмертной жизни сон.

Мысли по небу сновали
И рассеивали тучи,
В ливни пламенные слез.
Точно рода основатель,
Мой отец убрел уныло,
Исчезая за овес.
А поверху тучно плыли
Тучи пасмурного толка,
Что-то ливнями крича.
Ты чело брала перстами
Ты меня ласкала нежно,
Плача около плеча.
И страстями стали мысли,
И люблю, шепнули ливни,
Мы пошли по небесам,
Где устроил основатель,
По себе поминование,
Соответственно слезам...

Отвори настежь осень,
Дни любви раскрой
И признайся, уносит
Время чувства твои.
И пугайся, что с ленью
Бьется сердце в боку.
И смирайся, что тенью –
Ты уже на веку.

Несутся дни, подвижники,
Трясут, однако, дом,
А улочки-то ближние
Свиваются крестом.
То судьбы перекрестные,
Тебе-то я не вру,
То мы, сестра, подростками
Плетемся по двору.
То наше воскресение –
В субботу за спиной.
То наше предосеннее –
Цветение весной.

Содержание

И вообще 4

И СЛЕД ЛЮБВИ...

*** Как и отчаянные вздохи	8
*** Слова души уже безмолвны	9
*** Счастье невидимо смотрится в щели	10
*** Мне каяться в духе упадка	11
*** Лебеду вокруг имения	12
*** То вечная к прошлому страсть	13
*** Тебе, мамочка, доколе	14
*** У родни зарю влачу	15
*** Мама утром умирала	16
*** Не кричи тишина болевая	17
*** Еду тихо, еду мудро	18
*** На бегство, на бремя известное	19
*** Яма копается, ямочка	20
*** Не ты ли, поющая бездна	21
*** Каково, земля просела	22
*** По судьбе живи открыто	23
*** За печью да за копотью	24
*** Жизни легкой-то не жди	25

*** Споткнешься, ступая на стебли	26
*** Велела судьба окликаться	27
*** Мертвые жизни обманы	28
*** Больше, мамочка, ни звука	29
*** Возьми земли с могилы предка	30
*** Налетали, словно птицы	31
*** Вот и больно в сердце строгом	32
*** Хвала вагонному окну	33
*** Думы ранние безмерны	34
*** Осени грудью касаясь	35
*** Если плоть уже земля	36
*** Свет и тьма, и счастье рядом	37
*** На ските родовом	38
*** С того ли мне весело в гневе	39
*** Ни весны, ни капли смеха	40
*** Души залихватость одна	41
*** Уходящая в страхи причина	42
*** Что мне шумного народа	43
*** В осеннем, однако же, миге	44
*** Ты кружи, шагая в поле	45
*** Дубы, что белые вороны	46
*** Дай мне, Родина, обряды	47
*** Ступая ногами на корни	48
*** Крапива полыни сильнее	49
*** В земле пуховой возле сада	50
*** К реке лозу сгибая	51

*** У любви, у светлой силы	52
*** На линии изгиба	53
*** И пошли воспоминанья	54
*** И нынче вой дождя крошечный	55
*** Ты судимая душа	56
*** Трава не подруга паслену	57
*** А силе нечистой кажи отворот	58
*** Сын отцу не поклонился	59
*** Пророку положено небо	60
*** Сном уверенно представься	61
*** Число ушедшее эпохи	62
*** Родного сада ветками	63
*** Вдаль уходящая тропка	64
*** Закапываая идола	65
*** Это дни, что мне милей	66
*** Становился ты моложе	67
*** И по мифу о рожденье	68
*** Силы у луга проси	69
*** За неведомой тропой	70
*** Хлеба ложатся в ноженьки	71
*** Это тени нашествий	72
*** Ты не вырастешь до кроны	73
*** Когда ты вьешься пуповиной	74
*** Ты вечно горсть ее храни	75
*** Улыбайся инородцу	76
*** Сюжетно близкие слова	77

*** Жизни-смерти незнакомец	78
*** Веру в небо разгроми	79
*** К зиме удвой сухие страсти	80
*** Солнце кровавое низко	81
*** Ни мужского, ни женского пола	82
*** Ты рождение вершины	83
*** Глухая сила страсти личной	84
*** Смертные краски липучи	85
*** В скорби мученика поздней	86
*** Снега большое значенье	87
*** В судьбе историчной	88
*** А мысли надо бы связать	89
*** В способности предсказывать	90
*** И смиряешься устами	91
*** Осенней дело скуки	92
*** Стремись же рысью машистой	93
*** На врага гуди шелом	94
*** Деревья голы и пусты	95
*** Ты на краешке края	96
*** Метаморфозы свет иной	97
*** Еще нет и полудня	98
*** Топчу зародыши весны	99
*** Живи не выше неба-то	100
*** За все заблужденья мои	101
*** Что за птица в отдаленье	102
*** Что ты почувствовал образом умным	103

*** У живой воды небесной	104
*** В осеннюю скуку ума	105
*** Что еще, скажи мне, чтица	106
*** Мама молвила: «С богом...»	107
*** Творя не веселую скуку	108
*** Не твори кургана присно	109
*** Проси содействия у чаши	110
*** Будь и шутка обиходная	111
*** Иди к любви – последней точке	112
*** Комедийны больно речи	113
*** Целуя всех и прочих	114
*** Кто стучался ночью прежде	115
*** В ручье прохлада дыма	116
*** Пусто ли в чреве твоём	117
*** В степи осенняя погода	118
*** Ты меня вдали зови	119
*** Священная мистерия	120
*** Вьюги темно-светлые	121
*** Что ты лезешь-то в причины	122
*** Кто считается народом	123
*** Еще поминая обиды	124
*** Окраску вычерни окна	125
*** Дело главное доделав	126
*** О славе брэнной ты ни-ни	127
*** Душа, набитая речами	128
*** Мы сумеем обратиться	129

*** Ты ненавидела первично	130
*** Разве не тленные запахи сдоб	131
*** Я брат его внука	132
*** Веки, грезя, приспусти	133
*** Тебе весна, любви наместник	134
*** Доброте явиться скоро	135
*** Стираются старые темы	136
*** Изрыгай судьбе проклятье	137
*** Не участи скитальца	138
*** Ложки звякали в стакане	139
*** Сокровища несметны	140

И ДАРОВАНЬЕ...

*** Не отринь же меня истерично	142
*** До утра в душе ни звука	143
*** Ты спала, моя хорошая	144
*** В ударе молнии, в пролитии дождей	145
*** У семени крапивного	146
*** Жалкое торжище	147
*** Молчу неделями о главном	148
*** Мы в снеге до времени в комья слежимся ..	149
*** Прямо происки светила	150
*** Глаза раскрыты настезь	151
*** Когда в небеса поднимается дым	152
*** И дух полынью истомится	153
*** Восторгайся – мастерство	154

*** Не рассвет еще целинный	155
*** Нечаянно ты власяницу надень	156
*** Кто смятению подвергся	157
*** И точно душевный напиток	158
*** Какая-то кленовая	159
*** Счастье по-детски планируй	160
*** В тени полыни у застав	161
*** Ты, до низости охотник	162
*** Уведи дитя потехой	163
*** За темнотою тьмы равнина	164
*** На этом источнике сухо	165
*** Судьбе предлагая пари	166
*** Не мелькнет ли кто-то вражий	167
*** Словно тучной мглы пловец	168
*** Небо мира мне докучно	169
*** В ожиданье новой встречи	170
*** Всего одно желание	171
*** Пурга разносится давно	172
*** На свечение в тиши	173
*** Кроме внутреннего страха	174
*** Тебя захватываю в плен	175
*** А за кустами – ни шатко, ни валко	176
*** Обманчивая бренность	177
*** Не топчи судьбу ногами	178
*** Сборки леса тяжелы	179
*** Подвески, текущие в плечи	180

*** Горячие губы целуйте персты	181
*** Крикну призрак у вослед	182
*** Все ли до кука любви зелена	183
*** Пламя сердечное, мглой опоясав	184
*** Брезгливость утомления	185
*** Где небо зовется землею	186
*** И поверх одна жилетка	187
*** Кто, лозы сминая свет	188
*** Сердце, что выжатый тюбик	189
*** В яслях окликаются овцы	190
*** Но где священный камень икс?	191
*** Дни былые – головешки	192
*** Ласкай в руке листву	193
*** Позже вырвешься в модерне	194
*** Зачни во сне живейший стих	195
*** По судьбе тебе потворствуй	196
*** Небесная ведьма летает у крыши	197
*** Кривое смятенье пропорций	198
*** И сонная тьма безобразий	199
*** В обычной ветренности веток	200
*** В сыне месяца и солнца	201
*** Темнота, однако, птица	202
*** Я клик источаю победно	203
*** Напуская порчу, знай	204
*** Я подамся в пустынные там	205
*** Явиться песочнице рано	206

*** В небеса как бы распахнутый	207
*** За лесные пустыри	208
*** Море по виду прямое.	209
*** Гляди, в гущине камыша	210
*** Выше неба не взлететь	211
*** По любви смятенье вызнала.	212
*** За светлое реченье	213
*** Мы местные ваганты	214
*** Смиренные сельчане.	215
*** Ты крути покосы в скрутку.	216
*** По весне послужи камышам.	217
*** Дума радости морская	218
*** До чего слова скучны	219
*** У сени можжевельника.	220
*** Разве нелепость излома	221
*** Это темные знамена	222
*** И чтит языческий гадатель	223
*** Бросайте перья, вороны.	224
*** Безобразно в духоте	225
*** Затем у несчастья и корчусь	226
*** Я крепко связанный в былье	227
*** В твоей судьбе не прокаженной	228
*** Ты, рыбак, сиди у неба	229
*** Тайного чувства небесного	230
*** Мне плакаться тихо в лучи	231
*** И слова, что те реликты	232

*** Опасней льва крылатого	233
*** Древа гнездами помечу	234
*** В принципе – это пора	235
*** На закате золотом	236

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

И НИЧЕГО ПО СУЩЕСТВУ...

*** На вершине мастерства	238
Родословная	239
*** Где-то и Родина мысленно мечется	242
*** Мама, выслушай вину	243
*** Скуку будней возлюби	244
*** Едва на отливы фронтона	245
*** Тело к душе прививай же молитвенно	246
*** В роду и деда, и отцы	247
*** Ненавижу, зло бери	248
*** Мои начинаются корни	249
*** Имя-отчество, ни пыли	250
*** Глянь же, мамочка, в окно	251
*** Долго желтое польмя	252
*** Во сне смеется дочка спешно	253
*** Это близко – дни пути	254
*** Видно, жалкое подворье	255
*** У колодца души человеческой	256

*** А за прихоть остро чувствовать	257
*** По-людски кричала дверца.	258
*** Надо же, грязи на склоне	259
*** У места забвения предка	260
*** Не страхи – настороженно	261
*** Не дрова резвятся в печке	262
*** Живи со мною долго в браке	263
*** Пытайся подняться на небо	264
*** Огня новизны не утратив	265
*** В песке у глины, возле рва	266
*** Крик опавшего листа.	267
*** Мама смотрится в кого-то.	268
*** Страсть игры во мне колотится	269
*** Кровью полынь обагрят	270
*** А вы, края сосновые	271
*** Зато у крыши лужа	272
*** В миры иные птица манит.	273
*** Смелее, ненависти львица	274
*** Даже если беглый этот	275
*** Сверкая прямо на хоругви	276
*** В окнах искренне замерзших.	277
*** Учи меня напористо.	278
*** И больно желание плоть утомила	279
*** Уже мелькали отсветы.	280
*** Все бьется за себя.	281
*** Очи и думы скрывая ладонями.	282

*** Видишься в облике жабы	283
*** В краю, где времечко прошло	284
*** Ты вбегала, чисто ангел	285
*** Все меньше вру себе и прочим	286
*** Снега быстрее – звонче поезда	287
*** Ты влачи существование	288
*** И вдаль уводит улица	289
*** Ты молчи же, занедужив	290
*** Покой тревожится с утра	291
*** У меня потов – десяток	292
*** Ты носи меня волна	293
*** Жаль, что пережеван кисло-сладкий фрукт .	294
*** Книга рушится вниз	295
*** Хотя бы греться у мечты	296
*** Поступь кончины воловья	297
*** Пес усилился хвостом	298
*** Дымные пропасти	299
*** В часы раздумья тихого	300
*** И дни врассыпную	301
*** И безлюбье теплой хаты	302
*** В темноте к ручью идешь	303
*** И в смиренье вовлекаться	304
*** Белою накипью ты засвистел	305
*** Ни судьбы тебе, ни доли	306
*** Где у ветра серебрится	307
*** Больно близкая гроза	308

*** Дана мне роща задарма	309
*** Черви да свечение	310
*** Возраст осенний	311
*** Мхи пружинят у полей	312
*** Право, думы – мутно роем	313
*** Я родился-то легко	314
*** И убедительно, что Бог	315
*** Усталая и теплая.	316
*** И растворился, тлетворный	317
*** Иду в свое гуляние.	318
*** Ты стучи во сне ногами	319
*** И в крови густой орешник	320
*** Не мало краски у зимы	321
*** Но раннее отмщенье	322
*** Что привнесло обычно свет	323
*** И страсть искрится первобытно	324
*** Посмотри же, льются луны	325
*** В шумах одни метели	326
*** А селенье «Собачевка»	327
*** После крепкой браги.	328
*** В царстве тьмы и тьма пуста	329
*** Ты в ночи озяб и вчерне	330
*** Мы сложили воедино	331
*** Имею право голоса	332
*** На любовной ипостаси	333
*** Скоро солнце село	334

*** На крепкий стожишко	335
*** И к утру начну креститься	336
*** И никто не знаменит	337
*** Прежде здесь особнячок	338
*** Движешься мало-помалу	339
*** Мы адрес искали заветный	340
*** Есть у пророчества сиянье	341
*** А во сне летали руки	342
*** А в это утро возрождаться	343
*** Но немощи не было, нет, и не будет	344
*** У серебрянных озер	345
*** От юности памятью прошлой	346
*** И я между делом	347
*** И ты пустился в люди	348
*** И все и ничего-то	349
*** Взбирался ты в гору	350
*** Ты броди себе в угоду	351
*** В твоей груди неслышный гул	352
*** Не ты озяб у тьмы вечерней	353
*** В душе стояли сумерки	354
*** Ничего понять не можно	355
*** Мне, томящемуся в чреве	356
*** А плоти в бессмертье	357
*** Все скрываю сердца склонность	358
*** Стегала страсти, гнала в гору	359
*** Я убогий, слава богу	360

*** Землицы мне взять бы	361
*** Направо, налево	362
*** О страхе баешь	363
*** И гордиться не резон-то	364
*** Будет солнце садиться	365
*** Отец культи болючей	366
*** Читать, не умолкая	367
*** И страсти скука дикая	368
*** Осень-золото	369
*** В душе по-осеннему пусто	370
*** Бури мгла неси назад	371
*** Далеко ли, хлопче, зазван?	372
*** В бездумии движенья	373
*** У легенды – тайна притчи	374
*** Отнебесная просинь	375
*** Я в мире тенью не умершею	376
*** На терриконе гремела порода	377
*** А часы, идя, устало	378
*** И губ уже известный вкус	379
*** Ума прохлада, вьюга злая	380
*** От сего избавь же часа	381
*** Еще и не распятого	382
*** И однажды за ключем	383
*** Ночные – осенние звуки	384
*** Подморозило суглинок	385
*** Спится девочке моей	386

*** Незнакомые шахтеры	387
*** В тридцать восемь призы не нужны	388
*** Это дни наискосок.	389
*** Мне бы влюбленности, осень	390
*** Темные мысли в желания длятся	391
*** Мама медленно мне пишет	392
*** Перспектива сливается в точку	393
*** Послезимье, предвесенье.	394
*** То ли тайная птица.	395
*** Собака залаяла дряхло	396
*** Спи, Богдаша, малышок	397

P.S.

*** Знаменье того времени.	399
*** Ты лежи, в защелке пряжка	400
*** А ну же, гленье истукана	401
*** Цвети мое селение.	402
*** Эту тишину не искази	403
*** Узорчатого шелка	404
*** Мысли по небу сновали	405
*** Отвори настезь осень	406
*** Несутся дни, подвижники.	407

Литературно-художественное издание

Сендер Анатолий Никифорович

НА ЗАКАТЕ ЗОЛОТОМ...

Стихи

Ответственный за выпуск *А. Н. Вараксин*
Компьютерная верстка *Л. В. Алифанова*

Подписано в печать 2.02.2010. Формат 60x84/32.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,32. Уч.-изд. л. 13,25.
Тираж 50 экз. Заказ 68.

Издатель и полиграфическое исполнение:
индивидуальный предприниматель А.Н. Вараксин
ЛИ № 02330/0131774 от 06.03.2006.
E-mail: editpol@tut.by